

Сергей Тармашев
Наследие 2

«Меня не интересует, кто ведёт политику данного государства. Дайте мне возможность управлять денежной системой этого государства, и я буду руководить этими политиками».

Знаменитый еврейский банкир Ротшильд, 1780 г.

«Нет такого преступления, на которое не пошел бы капитал ради трёхсот процентов годовых».

Знаменитый еврейский экономист Карл Маркс, 1867 г.

«Всё в бизнесе должно быть подчинено одной цели — получению прибыли. Любой проект обязан приносить дивиденды. Настоящий бизнесмен умеет извлечь выгоду из любой, даже самой провальной ситуации, финансовую, политическую или имиджевую — это вопрос реализации конкретной схемы. Но если проект не имеет ценности и не несет в себе ничего, кроме неких невнятных перспектив в туманном будущем, я похороню его, не задумываясь. Чьи бы чаяния и надежды он ни представлял, и сколь угодно праведным кому-то там ни казался. Мнение толпы голодранцев меня интересует меньше всего. Это бизнес, а не благотворительный приют для нищих. Здесь выживает сильнейший».

Знаменитый российский олигарх Эдуард Шрецкий, 2103 г.

ОТ АВТОРА

С момента выхода в свет первой книги «Наследие» минуло два года, и мир всё глубже увязает в трансгенной трясине. Теперь уже имеется множество научных данных, свидетельствующих не просто о вредности ГМО, но надрывно кричащих об их смертельной опасности. Однако властимущие не торопятся оградить граждан нашей, и не только нашей, страны от ядовитой заразы, являющейся бомбой замедленного действия для будущих поколений. Чиновники усердно пляшут под дудочку транснациональных биотехнологических корпораций, защищая интересы их бизнеса, который, вне всякого сомнения, давно является для них своим. Судьба наших детей, внуков и правнуков, которым достанется искалеченное будущее и отравленная планета, им неинтересна. Но любое государство в первую очередь состоит из простых людей, и у нас ещё есть шанс не позволить хапугам мирового масштаба распорядиться судьбами будущих поколений. Ситуация с ГМО становится угрожающей, время уходит, и голоса немногочисленных активистов, ведущих борьбу в меньшинстве против баснословно богатых корпорации-монстров, тонут в дружном чавканье миллионов равнодушных. Я не мог не написать эту книгу.

Абсолютно все факты, изложенные в первой части книги, подлинны и имеют научное подтверждение. Научный материал для этого произведения собирали реальные ученые и действующие борцы с ГМО. После выхода первой книги многие упрекали меня в её излишней «научности». Отвечаю им: ЭТУ книгу можете не читать. Ибо она утомит ваш непривыкший к работе изнеженный мозг ещё сильнее. Эта вещь создавалась для людей мыслящих, анализирующих, и — в первую очередь! — неравнодушных. Тех, кому не безразлично, какими и где вырастут их потомки. Заранее прошу всех понять: все книги «Наследия» создаются ради первых двух частей текста. Третья часть служит исключительно развлекательным дополнением. Хотя это не означает, что в неё не заложен смысл.

Автор благодарит за экспертные консультации и предоставленные научные данные следующих специалистов:

Президента Общенациональной Ассоциации Генетической Безопасности, кандидата биологических наук Баранова Александра Сергеевича.

Кандидата биологических наук Цыдендамбаева Владимира Дылыковича.

Секретаря Альянса стран Содружества Независимых Государств «За биобезопасность» Копейкину Викторю Борисовну.

Автор выражает глубокое уважение всем ученым и общественным деятелям, беззаветно и, зачастую, за свой собственный крохотный счет, сражающимся с трансгенной отравой и её владельцами, легко тратящими миллионы на то, чтобы всячески скрывать правду, затыкать рты несогласным и очернять неподкупных. Читатель, помни! Сейчас эта горстка непокорных борцов, не желающих обменивать свою Совесть на звон серебряников, — это и всё, что стоит между будущим твоих детей и теми событиями, что описаны в этой книге.

ПРОЛОГ

Угличский Центр Сохранения Генетических Ресурсов, блок Правительственной Связи, максимальный режим секретности, 17 декабря 2267 года, 10 часов 28 минут по времени Волжского Каскада.

Закрытое совещание шло вот уже полчаса, но лица Президентов на сбоящих помехах обшарпанных экранах видеосвязи по-прежнему сохраняли непроницаемые выражения. Доклад профессора Сеницына, увлеченно излагающего громадьё планов по спасению мира, не вызывал у слушателей ни малейшего энтузиазма. Ни грандиозная схема объединения остатков Человечества, нанесенная профессором на исцарапанную от многолетнего использования целлулоидную поверхность политической карты мира, занимавшую почти всю стену переговорного зала и одновременно закрывавшую изрядную часть трещины от пола до потолка, ни пламенная речь старого ученого, подкрепляемая самодельной презентацией, что демонстрировалась на покрытом битыми пикселями настенном экране, ни усыпанная научными выкладками кипа распечаток, коей потрясал Сеницын перед старой широкоугольной видеокамерой, ничто не подвигло слушателей на хоть сколь-нибудь эмоциональную реакцию. Присутствующие продолжали хранить напряженное молчание.

Вполне ожидаемая реакция, отметил Федотов, старик явно не отдает себе отчет, что его прожекты о поисках Наследия Шаро Предрекшей есть не просто чистой воды афера, но и огромный геморрой для любого руководителя... Президент незаметно поморщился. Какого черта вся эта авантюра с рейдом в Новодевичий монастырь закончилась настолько хреново?! Мало того, что Центр потерял безумное количество военно-материальных ценностей и личного состава, так ещё на его, Федотова, голову свалился чертов контейнер с координатами! В результате весь Волжский Каскад стоит на ушах, третью неделю Центры гудят, словно растревоженное гнездо ядовитых насекомых-мутантов. Люди требуют от своих Президентов решительных действий. Он усмехнулся. Глупость электората всегда веселила его. Они будто всерьез считают, что чуть ли не со дня на день отравленная полумертвая планета зацветет и все будут жить в сказке, осталось всего-то потерять некую мифическую лампу Аладдина. Одни только новостные заголовки чего стоят: Даешь Наследие! Да здравствует рейд в Калифорнию! Обитатели ЦСГР всех стран, объединяйтесь! Превратим Трехсотлетие в Двухсотлетие! Близится великий день Возвращения!

Федотов мысленно скривился, внешне ничем не выдавая эмоций. День Извращения близится, а не Возвращения! Обывателю не понять ни политических, ни экономических рисков сложившейся ситуации. Информация о находке Сеницына разлетелась по Волжскому Каскаду едва ли не мгновенно, и поистине беспрецедентные меры, принятые Службой Безопасности для сохранения государственной тайны, не дали никакого результата. Вот уже неделю, как о находке знает вся страна. Президенты всех ЦСГР России, не сговариваясь, взяли под вооруженную охрану узлы Дальней и Правительственной Связи, чтобы предотвратить утечку стратегической информации за границу. Если подобное произойдет, это будет катастрофа, ни много ни мало. Желающие наложить лапу на такое сокровище найдутся моментально, однако наивные идиоты-идеалисты от электората, лидером которых внезапно стал этот старый профессор-маразматик, похоже, на полном серьезе верят в свою дурацкую идею объединения усилий... Президент вновь прислушался к речи Сеницына.

— Но, самое главное, господа Президенты, — вдохновенно вещал учёный, — Шаро Предрекшая со свойственной ей безграничной мудростью и столь же безграничным человеколюбием предвидела всю полноту трагизма ситуации, сложившейся в мире на данный момент! Все мы прекрасно знаем, что, судя по имеющейся части координат Наследия, оно расположено весьма далеко от Москвы, где была найдена первая часть послания Великой Шаро своим потомкам! Наследие может находиться как в Азии, так и в Африке, и даже в Южной Америке! А вторая часть координат укрыта в Калифорнии, на другом конце света от первой! И это неслучайно, господа!

Профессор вновь схватил длинную указку и принялся тыкать обломанным плексигласовым острием в карту мира, невольно попадая в закрываемую ею трещину в стене, отчего поверхность карты немного продавливалась и искривлялась.

— В этом заложен глубокий смысл! — провозгласил он. — Одному Центру, где бы он ни был, не разыскать Наследие! Только объединив усилия, мы сможем найти сокровище Шаро Предрекшей! Мы нашли первую часть! Калифорнийские Центры отыщут вторую!

— В Калифорнии не осталось ни одного Центра, — вкрадчиво перебил седого профессора Федотов, — последний из них, ЦСГР «Монтичелло», был уничтожен лигами двадцать лет назад.

Однако данное замечание не остановило ученого, наоборот, тот продолжил вещать с ещё большим энтузиазмом:

— Значит, рейд должны снарядить Центры Аризоны! Мы должны связаться с Колорадским Альянсом! Они смогут организовать экспедицию! Возможно, им стоит заключить перемирие или даже союз с какой-нибудь группировкой лигов, проживающих в районе Лос-Анджелеса! Я уверен, ради столь великой цели, как возрождение планеты, захотят сплотиться все!

На этой фразе Синицына кое-кто из участников секретного совещания позволил себе слегка поднять брови в знак услышанного абсурда, но подслеповатый старик не заметил столь мимолетных жестов. Зато они не укрылись от внимания Федотова, и Президент с удовлетворением отметил, что по крайней мере часть руководителей разделяют его собственный скептицизм. Тем временем седой профессор рьяно водил по карте обломанной указкой.

— Именно это и подразумевала Шаро Предрекшая! — торжествующе заявил он. — Объединение! Сплочение остатков Человечества воедино перед лицом непоправимой трагедии! Ни у одного Центра не хватит ресурсов на столь масштабную и дорогостоящую экспедицию! Поэтому мы должны объединиться! Чистые, лиги — неважно, только сообща мы сможем отыскать Наследие и остановить медленную гибель планеты! И Великая Шаро дала нам шанс сделать это! Россия нашла первую часть координат, США отыщут вторую, Азия или Африка разыщут само сокровище...

«...и заберут его себе!» — мысленно усмехнулся Федотов. На лицах присутствующих появилось выражение неприкрытого пренебрежения, и он решил, что пришло время брать ход совещания в свои руки. Старый маразматик набредил достаточно. Президент Угличского ЦСГР властным движением руки прервал старого ученого на полуслове:

— Разумеется, профессор, именно с этой целью мы и проводим данное совещание. — Федотов вонзил в Синицына суровый взгляд. — Все Центры России держатся друг за друга, это общеизвестно. Без взаимопомощи мы бы давно уже погибли, и вам, как ученому, данный факт должен быть виден, как никому другому, господин Синицын! Только благодаря программам обмена семенным, генетическим и информационным фондами мы все ещё живы, не говоря уже о взаимной торговле! Ваши намеки на разобщенность вызывают определенное недоумение!

— Я... — старик несколько ступешевался, — я имел в виду необходимость международной консолидации усилий! — попытался оправдаться он, но Федотов не дал ему ни единого шанса вновь продолжить выступление.

— Полеты в другое полушарие сопряжены с огромным риском! — Президент Угличского ЦСГР слегка повысил голос. — Авиационный парк подвержен серьезному износу, и мы, как руководители, не имеем права рисковать человеческими жизнями! Для нас это величайшая ценность, господин профессор! Вам ли объяснять, что численность населения Центров неуклонно снижается из года в год? Кроме того, не каждый Центр имеет в своем распоряжении взлетно-посадочную полосу, способную обслуживать тяжёлые дальнемагистральные самолеты! Не говоря уже о том, какой дорогой ценой нам достается горючее!

— Но... — замешкался Сеницын, — в данной ситуации достаточно лишь связаться с Колорадским Альянсом... Они смогут организовать экспедицию к Лос-Анджелесу своими силами, я уверен...

— Значит, вы уверены! — угрюмо уточнил Федотов. — Вам, видимо, хорошо известна военная обстановка в Калифорнии, возможности Колорадского Альянса, а тот факт, что во всей Калифорнии вот уже двадцать лет нет ни одного чистого человека, не более чем досадное недоразумение? Американцы с легкостью бросят в бой любое количество людей, не заботясь об их жизнях?

— Я подразумевал совсем не это... — испуганно оправдывался старик. — Но, господин Президент, это же Наследие! Это единственный шанс для всего Человечества! Разве он не стоит риска...

— Вот именно! — окончательно заткнул его Федотов. — Возрождение планеты стоит любых рисков! Но наш долг, как руководителей, отвечающих за жизни людей, сводить любые риски к минимуму. А в данном случае мы даже не знаем, с чем столкнулись. До сих пор ничто не дает ни малейшей ясности по вопросу: «А что же такое есть Наследие?» Только в рейде за первой частью координат погибло тридцать человек! Тридцать, профессор, или вы забыли? Вы считаете, что этого мало?

— Нет, ни в коем случае... — побледнел Сеницын, но закончить ему вновь не позволили.

— И все мы с вами более чем согласны! — подытожил Федотов, поднимаясь из кресла. — Без сомнения, весь мир обязан объединить усилия для поисков Наследия! — Он жестом предложил профессору занять предназначенное для него место. — Мудрость и дальновидность Шаро Предрекшей не подлежит сомнению, однако мы должны предусмотреть любые варианты. Например, Колорадский Альянс откажется от рейда в силу неких непреодолимых обстоятельств. Всякое может быть. Не исключено, что у Альянса нет военной возможности прорваться в Калифорнию. Даже нам известно, что в тех местах обитает одна из самых многочисленных и кровожадных военизированных группировок лигов. Они жестоко убивают каждого чистого, которого встретят, и это делает невозможным проведение переговоров. Кроме того, в Колорадском Альянсе нам могут попросту и не поверить.

— Мы предоставим исчерпывающие данные! — немедленно загорелся Сеницын. — Я подготовлю пакет крайне серьезных исследований! Их результаты убедят американцев, я сорок лет занимался этой проблемой...

— Мы не сомневаемся в вашей компетентности, профессор, — остановил старика Федотов, — но, как я уже сказал, обязаны предусмотреть всё. В том числе и организацию рейда к Наследию своими силами. Вы упомянули, что оно может быть расположено в Китае?

— Это лишь мои собственные домыслы! — возразил седой учёный. — Фактически они основываются лишь на том, что Шаро Предрекшая в совершенстве владела китайским языком, а полученная нами часть координат, широта, проходит по значительной территории Китая. Вынужден признать, что это слишком притянуто. В архивах службы безопасности концерна «Сёрвайвинг Корпорэйшн» времен запрещения МАГБ имеется масса документов, свидетельствующих об особой финансовой и юридической активности соратников Шаро в Индии...

— Служба Безопасности нашего концерна в те годы так ничего и не нашла, — махнул рукой Федотов. — А вот вам удалось преуспеть, профессор, да ещё и в одиночку, на основании одного лишь анализа имеющихся данных. Поэтому ваше мнение для нас особенно ценно. Все мы убедительно просим вас и впредь быть ведущим консультантом страны по этому вопросу, а также по вопросам организации экспедиции за Наследием, если возникнет необходимость осуществить таковую своими силами. А сейчас я благодарю вас за исчерпывающий доклад и не смею более задерживать. Вы можете идти, господин Сеницын, я свяжусь с вами позже.

Федотов бросил короткий взгляд на дверь, из которой немедленно появилась его помощница. Сашенька, лучезарно улыбаясь, ненавязчиво вывела старика вон, и звуконепроницаемая дверь узла связи закрылась за ними. Убедившись в этом, Федотов обернулся к рябящим экранам видеосвязи.

— Господа Президенты, более полную картину происходящего описать невозможно, — он вернулся к своему креслу и уселся в него с мрачным видом. — Профессор Сеницын стар и, как видите, впал в маразм, но основная проблема не в нем. Его идея представляет собой в буквальном смысле эпидемию, которая поразила едва ли не всё население моего Центра. Я не уверен едва ли не в половине рядового

состава Службы Безопасности, раз предотвратить утечку информации не удалось. С этим необходимо что-то делать.

— У меня дела обстоят не лучше, — недовольно произнес с экрана Президент Рыбинского ЦСГР. — Народ будоражит, все требуют Наследия, решительных действий и так далее. Самопроизвольно организовавшееся общество желающих выступить в рейд за Наследием насчитывает уже сто тысяч человек, а это почти двадцать процентов населения.

— У меня их сто пятьдесят тысяч, — буркнул Президент Заволжского ЦСГР. Его экран подернулся рябью помех, но вскоре связь наладилась, и стало возможно разобрать его слова: —...полный бред. Требуют организовать рейд в аэропорт Стригино. Хотят чуть ли не присоединить его к Центру, потому что моя взлетно-посадочная полоса не рассчитана на дальнемагистральные самолеты. Которых, кстати, нет ни у кого в Волжском Каскаде. Насколько я понимаю, они имеются только у Сибирского Союза.

— Это ровным счетом ничего не меняет. — Президент Дивногорского ЦСГР демонстративно посмотрел на часы: — У нас есть ещё восемнадцать минут до выхода спутников из зоны взаимной коммутации. Потом мы потеряем связь. Поэтому предлагаю решить эту проблему побыстрее. Я не стану отправлять самолет ни в Лос-Анджелес, ни в любой другой город набитой лигами Калифорнии. Это афера чистой воды. Я не хочу терять ни самолет, ни горючее, ни людей. Мне хватает головной боли со своими лигами. Нам требуется другое решение, и побыстрее, пока эта ваша эпидемия Наследия не докатилась до моего Центра.

— Согласен, — коротко заявил Президент Братского ЦСГР. — У меня уже поползли первые слухи. Долго удерживать их в узде не получится. Придется либо полностью свернуть торговлю со всеми Центрами, что неприемлемо, либо давать толпе доступ к информации и брать ситуацию в свои руки, пока её не взял кто-то другой.

— Я отдал приказ о снятии грифа «совершенно секретно» с информации о находке Углича ещё вчера, — Президент Саяногорского ЦСГР, шестидесятипятилетний старик с густой седой шевелюрой, недовольно скривился. — Данные уже просочились в широкие слои населения. Скрывать глупо, это может привести к возникновению оппозиции. Искоренить её двадцать лет назад мне обошлось слишком дорого. Я согласен с моими союзниками — губить самолет нельзя. Отдать всё в руки американцев — думаю, все здесь прекрасно понимают, что это значит. Поэтому я снова предлагаю «Русскому Острову» отправить в Калифорнию корабль. У моряков больше шансов.

— Самолет отправлять жалко, а корабль, стало быть, нет, — лениво усмехнулся с ободранного экрана очень тучный человек в адмиральском мундире, — особенно чужой. У меня тут не Сибирский Союз, я на отшибе, выживаю едва ли не в одиночку. Людей не хватает, топлива в обрез и лигов на побережье полно, боеприпасы в большой цене. Каждый корабль на счету, тем более боевой, и тем более сейчас, когда Зейский Центр вторую неделю не выходит на связь. Среди населения зарождаются панические настроения, мне тут не до ваших сказок! Москва далеко, и что там нашли — людей волнует куда меньше, чем собственная жизнь. А если лиги снесли-таки Зейский, то на весь Дальний Восток мы остались одни-одинёшеньки, а зимы сейчас холодные, от берега морем не отгородишься! Теперь воинствующие уроды и калеки попрут на нас, так как больше им кидаться не на кого! В сложившейся сверхопасной ситуации я, в свою очередь, снова заявляю, что не собираюсь отрывать от себя боевую единицу, сколько можно это обсуждать? Тем более в угоду каким-то религиозным бредням! Кто вообще сказал, что игра стоит свеч?! У нас есть хоть капля уверенности в том, что это чудо-Наследие не более чем последняя издевка желчной старухи над своими победителями?! Кроме бредовых идей вашего полоумного старика? Даже если мои парни достанут вторую часть координат, туда ещё надо будет как-то попасть! Уже сейчас ясно, что находится оно не в России, то есть очень далеко от любого из нас! И не факт, что это самое Наследие не окажется пустышкой!

— Поддерживаю! — немедленно подхватил Президент Дивногорского Центра. — Мы рискуем потратить огромные силы и средства на погоню за фантомом. Ненависть, которую питала Шаро Предрекая к Концерну, общеизвестна. Да и что такого могла сделать МАГБ после своего краха, если в лучшие-то времена проигрывала Концерну во всём? К тому же все их активы после запрещения перешли к «Сёрвайвинг Корпорэйшн». Господа, а не умнее ли для всех нас будет попросту замять всю эту историю?

— Полагаю, вы не в полной мере понимаете, что тут у нас происходит, — невесело ухмыльнулся Федотов. — У меня есть все шансы заполучить бунт, если я попытаюсь спустить это на тормозах!

— И не у него одного! — хмыкнул Президент Заволжского. — За последний квартал у меня на птицеферме не вылупилось ни одного цыпленка, генетически модифицированные популяции достигли репродуктивного предела поколений, сто процентов оставшегося поголовья бесплодно. Пришлось снизить нормы рационов для некоторых социальных групп и увеличить трудовую нагрузку на население, занятое в промышленном производстве. Готовим к весне серию крупных бартерных предложений, дабы закупить племенной фонд, — он криво усмехнулся. — Так что протестные настроения у меня более чем свежи. Если генерал Федотов объявит об отказе от рейда за Наследием, то население моего Центра потребует организации экспедиции от меня!

— Как две капли воды похожая ситуация! — недовольно поморщился Президент Рыбинского Центра. — Господа, нам необходимо более взвешенное решение, у нас тут весь Волжский Каскад на взводе, мы фактически сидим на пороховой бочке! Моя Служба Безопасности вторую неделю задерживает представителей молодежи, порывающихся угнать дирижабль. Эти дебилы создали в сети движение «Оккупируй дирижабль», протестуют против «неумелого руководства»! Ситуация осложняется тем, что информация о работах профессора Синицына просочилась в общественность, и теперь любой ребенок в Центре запросто назовет вам найденную половину координат и расскажет о бутафорской могиле доктора Уэйна в Лос-Анджелесе.

— Так ты не мешай им, Борис Адамович, — улыбнулся Президент Саяногорского ЦСГР, — погрузи их всех на дирижабль и отправь напрямик в Калифорнию! И одной заботой станет меньше.

— Это было бы смешно, если б не было грустно! — зло фыркнул Борис Адамович. — Молодежи и без того не хватает, а ведь это рабочие руки на ближайшие десятилетия! Сопляков теперь мало, и народ над ними трясется, как та курица над единственным яйцом! А к взвинченной толпе приходится прислушиваться! Стоит объяснять?!

— Не кипятись, — примирительно произнес Президент Рыбинского, — не ты один такой, это общая проблема. Вон сколько денег в трубу выбрасываем ради этой чепухи с программой обмена генофондом! Всё для спокойствия электората, порази его Шаро Предрекшая... Кстати, о Шаро, гори она в аду синим пламенем, — старый Президент бросил взгляд на часы, — есть предложение. Мы всем Сибирским Союзом покопаемся в старых архивах «СК» и конечно же найдем некие секретные документы. В которых будет сказано, что Службе Безопасности Концерна сразу после запрещения МАГБ стало известно о том, что люди Шаро Великой предприняли серию попыток направить следствие по ложному следу, дабы отвлечь правосудие от самой Шаро. В том числе в эти попытки входила организация тайников, содержащих псевдокоординаты вымышленного Наследия, что ещё более подогрело ходящие о нем среди лигов слухи. Но прямо заявить о том, что координаты ложные, будет игрой слишком грубой и чреватой.

— Этого достаточно, — Федотов на секунду задумался, анализируя родившийся план действий, после чего уверенно тряхнул головой: — Более того, это как раз то, что нужно. Я смогу извлечь необходимую пользу из этих внезапно рассекреченных документов. И, очень возможно, проблеме удастся убить на корню. Скоро связь прервется, поэтому разумнее будет продолжить совещание завтра, как только спутники вновь окажутся в области взаимной видимости. К этому времени я подготовлю свои предложения.

Настойчивый стук в дверь вывел Синицына из зыбкого сна. Оказывается, он задремал прямо перед ноутбуком. Старик сконфуженно приподнял съехавшие на кончик носа очки и потер глаза. Что поделаешь, если новое кресло, выделенное ему администрацией Президента из запасников президентской же канцелярии в качестве улучшения условий труда выдающегося ученого современности, оказалось столь удобным. Последний десяток лет он пользовался стареньким пластиковым стулом, расхлябанным донельзя...

— Профессор Синицын! Николай Федорович! — обшарпанная дверь, держащаяся больше на честном слове, нежели на расхлябанных петлях, вновь задрожала под натиском извне. — Вас срочно вызывают к Президенту! Николай Федорович? С вами все в порядке? Профессор?!

— Иду, Витенька, — прокряхтел старик, выбираясь из кресла. Он сделал пару шагов на негнущихся спросонья ногах и открыл покрытый облупившейся краской шпингалет, выполняющий функции давным-давно сломавшегося замка. — Что стряслось? Откуда такая спешка?

Профессору подумалось, что за всю его долгую службу его ни разу не вызывали к Президенту, аудиенции всегда приходилось добиваться самостоятельно, и порой на это уходили многие дни. Правда, после возвращения из Москвы их рейда Федотов со свитой дважды лично посещал его кабинет, и даже пригласил Сеницына сделать доклад на совещании Президентов российских ЦСГР, посвященном организации экспедиции к могиле доктора Уэйна... Может быть, Президенты уже изучили все представленные им данные и начали подготовку? Старик отворил дверь, и в утопающий во мраке едва живой лампочки крохотный кабинет ворвался вихрь в виде одного из его новых ассистентов, закутанного в зимние одежды.

— Николай Федорович, скорее одевайтесь! — молодой человек, едва переступив порог, немедленно бросился к платяному шкафу и извлек оттуда тулуп профессора. — Полчаса назад узел связи провел сеанс с «Русским Островом»! Говорят, Сибирский Союз прислал какую-то сверхсекретную документацию, а у моряков вообще был разговор с американцами! Президент ждёт вас для обсуждения немедленно! Всё строго засекречено, но у меня родственник служит в охране узла связи, у них пошел слух, что появились какие-то новые данные о Наследии Великой Шаро!

— Невероятно! — Сеницын поспешно влез в заботливо поданный ассистентом тулуп и с кряхтением принялся возиться с валенками. — Я иду немедленно! Неужели американцы отыскали вторую часть координат?! — Он наконец-то справился с валенками и подставил голову под шапку-ушанку.

— Так ведь и недели не прошло с совещания Президентов! — усомнился ассистент, закутывая профессора в шарф. — Разве рейд из Колорадского Альянса успел бы добраться до Лос-Анджелеса? И Президент ничего не сообщал о переговорах с американцами!

— Центр «Гувер» традиционно удерживает в Калифорнии нефтедобывающую станцию! — старик, наглухо запакованный в тяжелую зимнюю одежду, потянулся за своим ноутбуком. — Если наши американские коллеги все ещё сохранили над ней контроль, то рейд мог выдвинуться оттуда. В таком случае они вполне могли уже вернуться назад! — Профессор выдернул из розетки шнур питания ноутбука и с гордостью посмотрел на исцарапанный экран, на котором вспыхнуло сообщение о переходе устройства на работу от аккумулятора. Сразу после его триумфального возвращения, Президент лично велел изыскать для Сеницына работоспособный аккумулятор. — А о переговорах с Колорадским Альянсом могли не сообщать из соображений безопасности. Наш Президент в прошлом генерал, вы же знаете, Витенька, военные весьма скрупулезно относятся к режиму секретности и иногда перегибают палку. — Старик привычным движением сунул ноутбук за пазуху и возвестил: — Скоро всё прояснится! Идемте!

Ассистент первым выскочил из погруженного в полумрак кабинета и потащил за собой профессора по длинному коридору. Охрана входного шлюза оказалась предупреждена о срочном вызове государственной важности, и шлюзовая переборка поползла вверх, едва профессор с ассистентом приблизились к шлюзовой камере. Следующее чудо ожидало Сеницына на выходе: прямо у входа в их гермокорпус стоял электромобиль Президентской канцелярии, и стоящий подле него солдат с автоматом на груди распахнул дверь перед запыхавшимся от бега по бесконечному коридору стариком.

— Прошу вас, профессор! — Он помог неуклюжему в громоздких одеждах Сеницыну взобраться внутрь и грозно посмотрел на ассистента: — У вас нет допуска, гражданин! Режим секретности уровня «государственная тайна», едет только профессор Сеницын!

— Оставайтесь, Витенька, и дождитесь меня! — профессор устроился поудобнее на мягком сиденье, обтянутом истертым, многократно штопанным дерматином. — Мы приступим к работе сразу же, как только я получу новые данные!

— Да, да, конечно, Николай Федорович! — поспешно откликнулся ассистент, пряча руки от едко щиплющего кожу мороза в глубоких карманах тулупа. — Я буду в лаборатории!

Солдат забрался в автомобиль, задвинул за собой дверь и кивнул водителю. Едва стихло шипение воздуха в системе герметизации, машина скрипнула и тихо покатила вперед. Старый профессор удовлетворенно вздохнул. Ехать в тепле с комфортом, что ни говори, гораздо приятнее пешей

прогулки длиною в километр по улицам Центра, насквозь прокалившегося жутким холодом. За периметром бушевали сильные ветра, вот уже вторую неделю не было снегопадов, и термометр показывал минус тридцать пять. В результате железобетонная консервная банка Центра Сохранения Генетических Ресурсов буквально звенела от мороза, и под исполинской крышей из прозрачного полимера температура опустилась ниже отметки в минус сорок ещё три дня назад. Надрывные завывания воздушных потоков не были слышны внутри герметичного пространства периметра, но неровное гудение элементов его конструкций, сопротивляющихся ударам почти ураганных ветров, давали весьма отчетливое представление о происходящем снаружи.

Но внутри теплого автомобиля царил полнейшее спокойствие, нарушаемое лишь легким поскрипыванием сидений, и старый профессор задумчиво разглядывал через затянутое потертым плексигласом окно серые близнецы гермокорпусов, неторопливо плывущие мимо. Если верить старым архивным данным, когда-то давно, ещё до наступления хаоса, этим краем столь жестокие морозы были не свойственны. Но за двести с лишним лет трансгенная зараза сожрала леса и почвы, превратив всё вокруг в заросли гигантских сорняков, источающих токсичную пыльцу, перемежающихся с чахлыми болезненными деревцами-мутантами, покрытыми гнилью, ядовитыми грибами и едкой плесенью. Бесконечные чащи этой растительности перемежались со столь же бесконечными пустошами, ранее бывшими сельхозугодьями, ныне уничтоженными трансгенными бактериями-мутантами и ставшие бесплодным суглинком. Эти пустоши, заболоченные вдоль ещё сохранившихся рек, и твердые, словно камень, в удаленных от водных артерий местах, словно некий пояс отчуждения скрывали внутри себя развалины городов и населенных пунктов. На этих многокилометровых пустошах ветра разгонялись порой до ураганных скоростей...

Старик вновь вспомнил прокаленные холодом руины Новодевичьего монастыря, извергавшие из себя поток лигов. Как только они выживают в таких поистине несовместимых с жизнью условиях? Память мгновенно развернула перед глазами картину кровавого расстрела рвущихся защитить свою святыню инвалидов, и Сеницын погрузился. Всё таки наши предки превратили некогда цветущую планету в нечто ужасное и уродливое, и теперь всё, что ещё не умерло на её поверхности от бесконечных мучительных страданий, жаждет смерти их потомков. И вот сейчас нам выпал последний шанс всё изменить. Сама Шаро Предрекая послала его своим «чистым» потомкам, не исключено, что от нас теперь зависит будущее всей планеты! Мы не имеем права упустить такую возможность, Президенты не могут не понимать этого! Перед лицом великого возрождения меркнут любые политические и личные дразги!

— Приехали, господин профессор! — голос солдата прервал его мысли. Автоматчик распахнул дверь, вылез наружу и подал старику руку: — Выходите, входной люк уже открывают.

Внутри Сеницына встречали сразу трое: человек из президентской канцелярии и пара охранников. Его немедленно препроводили в приемную Президента и сдали с рук на руки улыбающейся Сашеньке.

— Здравствуйте, Николай Федорович! — девушка принялась проворно освобождать старика из плена огромного тулупа. — Президент ожидает вас! — Она сделала большие глаза и заговорщицки зашептала: — Там шифровальщики принесли что-то такое, от чего вся Служба Безопасности уже с ног на голову поставлена! И никто толком не знает, в чем дело! Президент как прочел шифровку, так сразу всё засекретил и за вами послал! Только, чур, я вам этого не говорила, а то мне попадет!

Она повесила на вешалку профессорский тулуп с ушанкой и быстро скрылась за дверью Президентского кабинета. Сеницын, сжимая в руке топорщащийся отсохшим скотчем ноутбук, неуклюже попытался поправить на себе старенький пиджак и с огорчением обнаружил на месте верхней пуговицы торчащий пучок ниток. Как не вовремя, однако! Не к добру...

— Проходите, господин профессор! — объявила Сашенька, появляясь из дверей президентского кабинета. — Ноутбук можете оставить здесь, я за ним послежу!

Старый учёный вошел в кабинет, и она плотно затворила за ним массивные двери. Федотов был не один. Перед разложенной на столе папкой с документацией сидел начальник Службы Безопасности. Он хмуро кивнул ученому в знак приветствия и вновь погрузился в изучение какой-то бумаги.

— Присаживайтесь, Николай Федорович, — Президент указал старику на ближайшее свободное кресло. — Нам предстоит серьезный разговор. Только что нами были получены крайне тревожные известия.

— Что случилось?! — Синицын замер на полпути к креслу. — Американцы не смогли обнаружить могилу доктора Уэйна? Я предоставил недостаточно данных для поиска? Я могу пересчитать...

— Присаживайтесь, — перебил его Федотов. — Все гораздо серьезнее. Они отказались направлять рейд. Колорадский Альянс считает нашу информацию безосновательной.

— То есть как?! — опешил старый учёный. — Мы же представили убедительные доказательства...

— Генерал! — Президент кивнул начальнику Службы Безопасности. — Ознакомьте Николая Федоровича с текстом послания Колорадского Альянса.

— Вот оригинал, а вот полный перевод их сообщения, — безопасник протянул старику несколько целлулоидных листов многоцветной бумаги, густо покрытых распечаткой. — Передавали открытым текстом, по спутниковой связи через ЦСГР «Русский Остров». Действующих спутников на орбите почти не осталось, на тот момент это был единственный способ связаться с Альянсом. Иными словами, передача шла не напрямую, её слышали многие, поэтому долго удерживать в тайне эту информацию не удастся. Так или иначе, население узнает об ответе американцев.

Профессор торопливо нацепил очки и вчитался в строки послания. В его содержание он поверил не сразу. В первую минуту обида захлестнула его столь сильно, что Синицын отложил распечатку перевода и принялся за английский текст, надеясь убедиться в том, что все это лишь ошибка некомпетентного переводчика. Но ошибки не было. Американцы прямо заявляли, что найденная им псевдомогилу Шаро Предрекшей не более чем пустышка. Сторонники опальной руководительницы и духовного лидера МАГБ сразу после запрещения ассоциации таким способом активно подогревали среди лигов и Заботливых слухи о якобы реальном существовании мифического Наследия. Многочисленные тайники с координатами внезапно обнаруживались в самых разных частях света, и в сердцах страдающих инвалидов и их несчастных родственников действительно крепла надежда на чудесное спасение. В реальности же разыскиваемые Интерполом по всему миру активисты МАГБ, приравненные резолюцией Совбеза ООН к террористам, со столь изощренным цинизмом играя на самой больной теме для миллиардов людей, таким способом пытались пустить по ложному следу сыщиков. Целью подобных профанаций являлось впутать следственные органы в бесконечную погоню за несуществующими сокровищами и отвлечь их от расследования реальных преступлений Шаро Предрекшей. Хоть её связь с преступлениями доктора-убийцы Уэйна и не была доказана, но в то время у Концерна имелись основания считать, что Великая Шаро была осведомлена о его чудовищных преступлениях. Не исключалось и её прямое пособничество этому жуткому маньяку. Расследование продолжалось даже после смерти Шаро Предрекшей и развалилось само собой с приближением Хаоса. Далее шел довольно большой список мест, где американцы находили подобные свидетельства как до Хаоса, так и после его наступления. Синицын пробежал глазами несколько листов и нашел окончание сообщения. Колорадский Альянс выражал уверенность в абсолютной недостоверности предоставленных российскими коллегами данных и советовал впредь не обращать внимания на подобную профанацию. Наследие Шаро Предрекшей — есть не более чем профессионально созданный миф, что и было доказано Службой Безопасности «Сёрвайвинг Корпорэйшн» ещё в те давние годы.

Несколько мгновений старый профессор сидел молча, абсолютно потрясенный прочитанным, после чего подавленно произнес:

— Это заблуждение, я уверен... я не мог ошибиться, я сорок лет занимался загадкой Наследия... Мне никогда не доводилось встречать ни единого упоминания об описанных в этом послании фальсификациях...

— Мы не объясним это людям, профессор! — жестко отрезал Федотов. — Как бы я ни держал данные сведения в секрете, правда быстро выплывет наружу! И что тогда мы им скажем? Что тридцать человек погибли ради охоты за химерой? Что вспыхнувшая в людских сердцах надежда есть не более чем результат неудачного политического фарса? Призванного повысить производительность труда и упрочить положение действующей власти? Вы же знаете, как легко общественное мнение меняет свои позиции на прямо противоположные! Извините, это была ошибка?! Нам никто не поверит. Это будет тяжелейший удар для всех без исключения людей, причем не только в нашем Центре! Весь Волжский Каскад следит за вашими трудами с того самого дня, когда мы объявили об организации рейда в Новодевичий монастырь!

— Но... как же так... — убитым голосом повторил старик, — я не мог ошибиться... — Он посмотрел на Президента полным отчаяния взглядом: — Господин Президент, позвольте мне лично составить письмо в Колорадский Альянс! Я тщательнейшим образом, подробнейше распишу каждый аргумент! Наша находка не имеет ничего общего с фальсификацией! Мы получили подлинные координаты Наследия Великой Шаро! Я убежден в этом! Я смогу доказать, мне требуется лишь немного времени...

— Достаточно, профессор! — махнул рукой Федотов. — Мы с вами оба прекрасно понимаем, что американцы не обратят никакого внимания на ваши аргументы. Скорее всего, они даже не станут их читать. Их ответ четко дает понять, какой позиции они придерживаются. Сейчас перед нами стоит куда более реальная проблема: что мы скажем нашим людям? Я уже не говорю о других ЦСГР! — Президент кивнул на лежащую на собственном столе распечатку: — Вон, Сибирский Союз уже прислал официальную ноту протеста! Они возмущены тем, что мы играем на чувствах верующих, распуская слухи об обнаружении Наследия Шаро Предрекшей и оправдывая тем самым неудачный рейд и огромные потери! Они требуют существенных доказательств, подтвержденных данными из надежных источников, либо официального заявления об ошибке и извинений. Нам ещё не хватало лишиться торговых связей или заполучить бешеные бартерные ставки! Завтра этим предлогом воспользуется каждый! А как теперь в глаза родственникам погибших смотреть будем?

— Я сам все объясню людям, господин Президент, — окончательно поникший старик машинально собрал распечатки американского послания. — Это исключительно моя вина, я не смог убедительно изложить факты. Я глубоко убежден, что мы нашли подлинные координаты, и сделаю всё, чтобы убедить в этом мировую общественность. К сожалению, мне потребуется время... — Он тяжело вздохнул и приподнял листы с распечатками: — Вы позволите мне забрать ответ американской стороны с собой для подробного изучения?

— Думаю, что вам он не понадобится, Николай Федорович, — ответил Федотов. — К тому же в настоящее время это далеко не лучшее решение, документы могут попасть в посторонние руки и тогда взрыва общественного негодования уже не избежать! — Он проводил взглядом распечатки, исчезающие в папке начальника Службы Безопасности, и участливо добавил: — Но я верю в ваш научный гений, Николай Федорович, и считаю, что мы обязаны найти выход!

— Что вы имеете в виду, господин Президент? — донельзя печальный старик несколько воспрял духом. — Вы видите способ убедить американцев? Вряд ли мы в силах самостоятельно организовать экспедицию через океан...

— Тут мы бессильны, это однозначно, — покачал головой Федотов. — Американцы слушать нас не будут, вы же знаете, как они относятся ко всем, кто не они! — он иронично усмехнулся. — Отправить рейд в Калифорнию нам тем более не по силам, мы едва сводим концы с концами, и только недавно мне удалось заставить пойти в гору нашу экономику, долгое время находившуюся в упадке вследствие бездарного руководства моего предшественника. Пищевая промышленность едва вышла из коллапса, сами знаете, как у нас обстоят дела с рационами. Народные волнения нам сейчас противопоказаны, и я крайне огорчен, что ваша находка в глазах мировой общественности оказалась профанацией. Такое разочарование тяжело отразится на морально-психологической атмосфере всего Волжского Каскада.

Президент выждал небольшую паузу, подчеркивая важность момента, после чего устремил на Синицына полный решимости взгляд и уверенно продолжил:

— Но один ресурс у нас все-таки есть! Пусть он не имеет выражения в материальной стоимости, но в абсолютных величинах он безграничен! Это наш характер! Наша воля! Да, у нас нет ни дальнемагистральных самолетов, ни взлетно-посадочной полосы, способной обеспечить их взлет. Но мы можем это найти, если сплотим население вокруг вашей идеи!

— Вы хотите организовать крупномасштабный рейд в один из аэропортов Москвы?! — ужаснулся старик, мгновенно побледнев. — Там же заражение и множество лигов! Там же подсолнухи! Жертвы будут огромны! Наш рейд почти полностью погиб, столкнувшись всего с пятью из них!

— Мы можем организовать рейд в аэропорт Стригино совместно с Заволжским ЦСГР, — успокоил ученого Федотов. — Это гораздо дальше от нас, зато там нет подсолнухов. Хотя концентрация лигов в руинах Нижнего Новгорода традиционно высока и сами Заволжцы не имеют точной уверенности в

том, сохранились ли в Стригино дальнемагистральные самолеты, и были ли они там вообще на момент наступления Хаоса... Но это хотя бы шанс.

— Нет, — решительно заявил старый профессор, — это совершенно неоправданный риск, который неизбежно приведет к гибели множества людей! Такой выход неприемлем! — Он встал и одернул истертый застиранный пиджак. — Я возьму на себя всю полноту ответственности! Это целиком моя вина, и мой долг — объяснить людям всё. Я выступлю с заявлением, буду ходить по предприятиям, подготовлю подробный манифест с описанием всех данных вплоть до мелочей, что послужили основанием для моей уверенности в подлинности найденных координат! Я уверен, люди нас поймут!

— А если нет? — поднял брови Президент. — Что тогда? Вы же знаете народ, профессор! Им подавай всё и сразу! Если большинство решит, что ваши попытки опровергнуть четкие и документально подтвержденные данные американцев есть не более чем стремление оправдаться? Вы понимаете, что если такое произойдет, мы дискредитируем саму идею поисков Наследия Шаро Предрекшей, и уже никто и никогда не согласится на проведения рейдов с этой целью! Прошлый рейд нам обошелся в чудовищную цену! Погибло множество людей! Потеряна боевая техника, дорогостоящее горючее! Дети остались сиротами!

— Дети?! — мгновенно побледнел Сеницын. — Как... я ничего не знал... об этом не сообщалось... и Миша говорил, что у погибших солдат не было детей... что в дальние рейды не берут тех, у кого не рождаются лиги...

— У двоих из погибших бойцов были дети по программе обмена генофондом! — мгновенно нашелся Федотов, незаметно бросая злобный взгляд на начальника Службы Безопасности. — Но не беспокойтесь об этом, Николай Федорович, правительство уже окружило их максимальной заботой!

— Я отдам половину своего рациона... — забормотал было абсолютно пораженный старик, но Президент властным жестом прервал его:

— Я же сказал, о них мы уже позаботились! Забудьте об этом, профессор! — он вытащил из своего стола лист многоцветной бумаги. — Есть ещё один способ отыскать Наследие. Но он сопряжен с огромным риском. Вот об этом я и хотел с вами поговорить, Николай Федорович. — Федотов протянул старику целлулоидный лист: — Прочтите. Это совершенно секретная информация. Доставлена по моему запросу из Рыбинского ЦСГР двадцать минут назад. Как видите, расшифровка сообщения приведена прямо под текстом самого шифра, всё делалось вручную, это единственный экземпляр документа в нашем Центре.

Сеницын торопливо поправил очки и принялся читать документ. Он оказался коротким.

— Мы должны снарядить рейд к руинам Завидовского ЦСГР! — убежденно заявил старик, закончив чтение. — Я должен найти эту информацию! Я обязан! Что-то должно было уцелеть в тех пожарах! Мы докажем, что были правы! Это дело всей моей жизни! Господин Президент, я прошу вас поверить мне ещё раз и оказать...

— Я вам верю, Николай Федорович, — почти торжественно изрек Федотов. — Иначе не стал бы отправлять рейд тогда и вы не стояли бы здесь сейчас. Но я не могу требовать от людей отправиться туда. Вы же понимаете, какова степень риска! От развалин Завидовского Центра до Солнечногорска менее пятидесяти километров! Как я должен отдать такой приказ?!

— Мы соберем добровольцев! Я соберу! — горячо воскликнул старый профессор. — Я найду людей! Я в этом уверен! За Наследием готово отправиться множество желающих! Оба моих ассистента вызовутся добровольцами сразу же! Я сам соберу экспедицию! Даже солдат! Миша знакомил меня с несколькими военными, они выражали желание участвовать в поисках! Нам нужна лишь помощь в организации рейда и его материально-техническом оснащении!

— Это я беру на себя, — властно произнес Федотов. — Наш Центр понес тяжёлые потери в прошлом рейде, но ради обретения Наследия Шаро Предрекшей, возможно даже ради спасения всего мира, мы затащим пояса и отыщем необходимые ресурсы. Итак, Николай Федорович, через два дня жду от вас список добровольцев. Ещё через два дня рейд должен покинуть Центр, дольше держать в тайне письмо американцев я вряд ли смогу. И ещё одно, господин профессор! — Он бросил на старика внимательный взгляд: — Всё, сказанное здесь, является государственной тайной, поэтому я надеюсь на ваш здравый подход к тому, в какие подробности имеет смысл посвящать ваших волонтеров, а в какие — нет.

— Разумеется, господин Президент! — поспешно закивал Сеницын, — я прекрасно понимаю всю суть сложившейся ситуации! Я буду предусмотрителен...

— Отлично, — прервал его Федотов. — Тогда я не буду больше задерживать вас, профессор. Сейчас в ваших руках, без преувеличения, будущее всего мира, и потому на счету каждая минута! — Он нажал кнопку селектора: — Саша! Проводите доктора Сеницына!

В президентский кабинет впорхнула улыбающаяся Сашенька и увлекла старика за собой. Убедившись, что его слова не покидают пределов кабинета, Федотов перевел взгляд на начальника Службы Безопасности и тихо произнес:

— Действовать по плану. Даю тебе пять суток на подготовку рейда. Старшим отправишь Ермакова, что-то он стал слишком разговорчив. Позаботься, чтобы добровольцев оказалось гораздо больше необходимого, и мы аккуратно поможем Сеницыну с выбором. В рейд должны уйти все самые нелояльные. И чтобы к вечеру по Центру уже ползли слухи о том, что найденные координаты — фальшивка. Завтра организуешь утечку этого, — Федотов иронично усмехнулся, — «американского» сообщения.

Верхний бьеф Угличского водохранилища, 2 километра от плотины ГЭС, 30 декабря 2267 года, 19 часов 23 минуты по времени Волжского Каскада.

Колонна из двух вездеходов медленно ползла по заснеженному льду сквозь непроглядную ночную тьму. Работы упрятанных в кожухи усиленной звукоизоляции дизельных двигателей практически не было слышно, и через приоткрытый вентиляционный клапан отчетливо доносилось похрустывание снега под громоздкими колесами низкого давления. Шестиосные вездеходы шли в полной темноте, пользуясь прожекторами инфракрасной подсветки, и водители не сводили глаз с экранов приборов ночного видения, опасаясь встретить на пути какое-либо неожиданное препятствие вроде случайного тороса или заледенелого сугроба. Кабины вездеходов, слабо покачивающиеся на мощных пружинах подвески, создавали убаюкивающую атмосферу, но никто из членов экспедиции не испытывал желания заснуть. Военные не отрывались от ночных перископов, скупно обмениваясь по внутренней сети короткими фразами, остальные старались не показывать охватившего их напряжения. Грозные БМП и вооруженный до зубов батальон охраны остались у ГЭС, и теперь единственной защитой крохотного рейда была скрытность.

Профессор Сеницын подавил желание в третий раз за пять минут спросить у Ермакова, всё ли в порядке, и заерзал на жестком, грубо сколоченном деревянном сиденье, пытаясь придать почти негнущемуся скафандру высшей биологической защиты хоть немного удобное положение. Но натянутые нервы не позволяли оценить результата, и старый учёный был вынужден признать, что изрядно боится. И неудивительно, риск, на который пошли участники экспедиции, был поистине беспрецедентным. Отправиться за двести километров от родного Центра, чуть ли не на порог логова самых кровожадных лигов, которых только видел этот многострадальный свет, да ещё и фактически без охраны, — тут немудрено испугаться. До зубов вооруженный эскорт провел вездеходы через Углич и остался у ГЭС, теперь вся надежда была исключительно на темноту и бесшумность передвижения. Специально для этого автомобильную подвеску тщательно смазали двойной нормой солидола, дабы исключить скрип. Техотдел отрапортовал о стопроцентной готовности, но командовавший рейдом, теперь уже подполковник, Ермаков перед самым выездом остановил колонну прямо у выходных ворот Центра, снял гермошлем и минут десять лазил под вездеходами, несмотря на жестокий мороз. Выбрался он оттуда крайне недовольным и заставил механиков заново смазывать трущиеся элементы подвески. В итоге выезд задержался на полчаса.

Потом на одних лишь габаритных огнях двигались до ГЭС, осветительный прожектор включила только головная БМП. Все было сделано для того, чтобы не привлекать внимания лигов, если таковые затаились в руинах города, хотя в полдень Углич проутюжила минометная батарея, а придорожные развалины на всем пути следования прочесал батальон солдат. На самой ГЭС на время спуска вездеходов на поверхность водохранилища тоже ввели режим светомаскировки. План был продуман до мелочей, и всё прошло как по маслу, но теперь в сердце старого ученого подленькими ручейками предательски затекал страх.

Нет, несомненно, Президент прав: эскорт из тяжелой боевой техники от подсолнухов все равно не защитит, зато внимание к себе привлечет гарантированно, рев танковых турбин лиги услышат за километр. Подобный рейд обречен на гибель ещё до прибытия к своей цели, так как путь к развалинам Завидовского ЦСГР будет неизбежно пролегать в смертельной близости от Солнечногорска. А ведь до руин правительственного Центра мало просто идти, на поиски носителя информации потребуется время, и какое конкретно — заранее просчитать невозможно. Дата-центр архива расположен на минус третьем этаже административного гермокорпуса, и никто не знает, что представляют собой его развалины спустя сто восемьдесят лет. Сколько придется пробиваться через завалы? Эмпирически Сеницын пришел к выводу, что это не должно занять слишком много времени, но ведь всё это предстоит проверить едва ли не под боком у подсолнухов, и широкомасштабный рейд обнаружат сразу же. Не говоря уже о множестве проблем, связанных непосредственно с переходом: сложность ориентирования, потеря времени и сверхнормативная трата горючего на корректировки отклонений от курса, избежать которых в столь сложном переходе не удастся, возможные поломки в пути...

Всё верно, у маленькой неприметной экспедиции шансов добраться до места раскопок гораздо больше. Вот почему Сеницын сразу согласился с предложенным Федотовым планом: два вездехода, специально приспособленные для поездок по глубокому снегу и бездорожью, пара водителей и двадцать человек личного состава — вот и весь рейд. Моторные отделения вездеходов оборудуют дополнительной шумоизоляцией, на головную машину установят тепловизор, к идущей следом прицепят шаланду на полозьях, на которую погрузят два снегохода для проведения разведки местности в случае необходимости. Двигаться экспедиция будет ночью, по руслу Волги, что сведет трудности с навигацией к минимуму. Именно таким маршрутом и осуществлялось зимнее сообщение с Завидовским ЦСГР в то недолгое время, которое он просуществовал. Водители будут держаться центра русла, освещение не включать, так что заметить их с берегов в кромешной тьме совершенно нереально. Да и кто будет слоняться на побережье ночью, в тридцатишестиградусный мороз под жестокими порывами сильнейшего ветра? Даже недееспособные лиги себе не враги. К тому же темнеет сейчас рано, светает поздно, так что в распоряжении экспедиции гарантированно будет двенадцать часов. За это время рейд сможет пройти запланированные двести десять километров даже при средней скорости в двадцать километров в час. К рассвету они уже будут внутри развалин Завидовского Центра.

Старик нервно вздохнул. Всё это так, но из безопасного кабинета данное мероприятие виделось ему далеко не таким нервным, как оказалось в действительности. Едва их маленькая колонна растворилась в непроглядной тьме, как воспоминания нахлынули на профессора ледящей душу волной. Он слишком хорошо помнил кровавое побоище, которым закончился рейд в Новодевичий. А ведь тогда состав экспедиции был далеко не безобидным: танк, бронетранспортеры, десятки солдат! Не помогло ничего... и тогда тоже была ночь. Сеницын старательно пытался убедить себя в том, что вездеходы идут тихо, в полной темноте, в сотнях метров, а местами и в километрах от возможных мест жилья лигов, и им ничего не угрожает. Крохотную колонну никто не заметит, а если и заметит, то ничего не поймет, машины выкрашены в грязно-белый цвет зимнего камуфляжа... Но воображение предательски рисовало ему жуткие картины нападения, одну страшнее другой. Возможно, в эту самую минуту жаждущие крови чистых людей подсолнухи уже крадутся в ночи наперерез их вездеходам! Профессор тряхнул головой и решительно отчитал себя за малодушие. Что за пораженческие настроения?! Колонна едва отошла от ГЭС на пару-другую километров, до опасных мест ещё ехать и ехать! Вокруг никого, ведущие наблюдение солдаты заметят любое движение, едва только оно покажется на ровной, как стол, заснеженной глади водохранилища! Сейчас до берега в обе стороны не меньше километра!

Едва он закончил излагать самому себе аргументы в пользу безопасности, память услужливо вытолкнула на поверхность слова Ермакова. Подсолнухов невозможно увидеть, пока они сами того не захотят, и если это произошло, то, скорее всего, оно будет последним, что ты увидишь в своей жизни. В ту ночь кто-то из выживших военных упоминал, что заметили их при помощи тепловизора, иного способа нет. Сеницын непроизвольно вытянул шею, пытаясь разглядеть экран тепловизора через плечо Ермакова. Подполковник сидел в двух метрах впереди, рядом с водителем, и внимательно всматривался в старую карту, выведенную на дисплей дряхлого планшетного навигатора. Дисплей

полуживого от старости компьютера давно уже был при смерти, изображение было блеклым и нечетким, но красная отметка Джи-Пи-Эс, обозначающая текущее местонахождение, отображалась ещё довольно сносно. Однако увидеть за широкой спиной Ермакова экран тепловизора не удавалось, и профессор привстал с обшарпанной лавки, отшагивая в сторону. На тепловизоре было пусто. Синицын облегченно вздохнул, и тут же затихшая телефонная сеть и глухой стук упавшего на пол коннектора возвестили старику о том, что он вырвал разъем внутренней сети вездехода из гнезда своего скафандра. Старик охнул и заторопился осмотреть провод, не порвался ли. Услышав за спиной возню, Ермаков обернулся и что-то произнес, но разобрать его слов через гермошлем профессор не смог. К счастью, обрыва не случилось и разъем не пострадал. Свет едва живой потолочной лампочки, закрытой пожелтевшим от времени мутным полупрозрачным кожухом, почти не пробивался через окружающий полумрак, и в темноте Синицыну никак не удавалось попасть коннектором в приемное гнездо скафандра.

— Давайте, помогу, — тихий голос Ермакова глухо донесся до профессора. Оказавшийся рядом подполковник отобрал у него соединительный кабель и привычным движением подключил скафандр Синицына к бортовой сети. Свой коннектор он ловко воткнул в разъем даже не глядя. В головных телефонах раздался щелчок, и голос офицера зазвучал внутри профессорского гермошлема: — Что-то не так, Николай Федорович?

— Я хотел посмотреть на тепловизор, да запамятовал о подключении... — сознался старик. — Вы уж извините меня за беспокойство, Миша. Со мной всё в порядке, нервы немного шалят. Никак не забуду о том жутком побоище...

— Забудешь тут, — недовольно буркнул Ермаков. — Лучшего способа напомнить, чем наш теперешний горе-рейд, придумать было бы сложно. Одна надежда, что если подсолнухи увидят это нелепое недоразумение, они перемрут со смеху.

— Вы ожидаете нападения подсолнухов?! — Синицын похолодел. — Они могут быть где-то рядом?!!

— Нет, конечно, — успокоил старика подполковник, — так далеко они не заходят. Присаживайтесь, Николай Федорович. — Ермаков проследил, чтобы старик вновь не выдрал провод, и уселся рядом. — Тут нам ничего не угрожает, расстояние до берега слишком велико. Главное, в темноте не налететь на какую-нибудь ледяную глыбу и не повредить подвеску.

— Слой снега должен быть достаточно велик, чтобы сделать неопасными острые края ледяных торосов, — заявил Синицын, — поверхность Волги сейчас, конечно, идеальной не назовешь, но мы все-таки не в арктических льдах!

— Наши колеса неострым льдом не пробить, если вы об этом, — Ермаков отрицательно покачал головой. — Это специальный материал, покрышки выдерживают пистолетный выстрел. Кроме того, это ведь шины низкого давления. Там внутри всего ноль восемь атмосферы, вездеходы одинаково успешно пройдут и по глубокому снегу, и по болоту, и по валежнику зимней мутафлоры. Можно даже по воде, особенно если идет шуга. На охране ГЭС таких пять штук было. Два отдали нам. Самые раздолбанные, пошли Шаро Великая любимому начальству чирей на седалище. Так что столкновения нам противопоказаны.

— Но с чем же можно столкнуться на замерзшей реке? — удивился старик. — Это относительно ровное место!

— Как сказать, — хмыкнул Ермаков. — Пока по водохранилищу идем, думаю, опасаться нечего, но вот когда река сузится метров до трехсот, глядеть придется в оба. Лиги ко льду равнодушны, особенно недееспособные. Любят надолбить глыб размером побольше. Утаскивают к себе и потом фигурки из них делают. Я как-то встречал пятиметровую, в форме корявого окорока. Так они приносят дары Шаро Предрекшей, чтобы она помогла им пережить зиму. Чем больше подношение, тем выше шанс, что Шаро заметит с небес именно твое рукотворение. А так как крупные шедевры весят иногда за тонну, то не у каждой толпы дебилов хватит сил такое утянуть далеко. Поэтому нередко подношение оставляют прямо на реке, рядом с тем местом, откуда добывался лед. Вот и получается, что с одной стороны глыба, с другой — прорубь немаленьких размеров. Проруби, кстати, и недееспособные лиги делают довольно крупными. Зима ведь время голодное, мутафауна порой от отсутствия корма из дичи сама в охотников превращается. Не всякий инвалид способен в холода охотой прокормиться. Дебилы-

то и друг друга сожрать могут, а нормальные пытаются рыбачить. В одиночку на льду слишком холодно, поэтому они сбиваются в кучу и плотно прижимаются друг к другу, так и теплее, и надежнее, не всем инвалидность позволяет управляться со снастями без помощи. Поэтому и лунки часто выдалбливаются немаленькие. Так что у нас есть шансы не только врезаться во что-нибудь, но и нырнуть. Утонуть не утонем, но удариться о края проруби очень бы не хотелось. Вся эта рухлядь еле дышит, и без чрезвычайных ситуаций в любой момент может сломаться что угодно.

— Вы слишком строги к начальству, Миша, — укорил подполковника профессор. — Президент выделил для нашей экспедиции лучшее из того, что у нас есть. — Он вспомнил, как начальник Техотдела с тоской в глазах подписывал складскую накладную. Но Федотов лично санкционировал повышенные расходы на обеспечение рейда, и деваться чиновнику было некуда. — Мы получили двойные рейдовые нормы, двойной НЗ и топливо с запасом!

— За шесть лет службы в штурмовой роте мне приходилось работать со всей военной техникой, что ещё осталась у нашего Центра, — невесело улыбнулся Ермаков. — Я знаю её очень хорошо, Николай Федорович. Эти два вездехода — самые изношенные из всех. Тот, что идет за нами, вообще на каждую неделю работы две проводит в ремонте. А оба снегохода, что он тащит на прицепе, собрали из старых запчастей сутки назад, но завести их удалось только к сегодняшнему утру. Механики, которых вы подобрали, уверены, что вся наша техника выдержит переход туда и обратно, но никто не знает, насколько её хватит, если наш рейд затянется.

— Этого не случится! — возразил Сеницын. — Мы взяли с собой достаточно взрывчатки, вам это известно, как никому другому! Четыреста килограмм! Этого хватит, чтобы преодолеть любые завалы в административном гермокорпусе!

— Взрывчатки нам дали от души, — согласился подполковник. — Весь аммонал со склада выписали. Только аммонал — это гражданское взрывчатое вещество. Оно в отличие от тротила имеет повышенную чувствительность. И от того, что пакеты уложили в металлические ящики, спокойнее не стало. Скажем так, нам под обстрел лучше не попадать. Тротила мне не дали, хоть я и подавал заявку. Ведь кабины наших вездеходов сделаны из обычных кунгов старых армейских грузовиков, окончательно вышедших из строя. Серьезного бронирования тут нет, как нет ни герметизации, ни кварцевых ламп первичной биологической очистки. Ведь тротил при простреле пульей не взрывается. Но начальство мне ответило, что для взрывных работ по очищению завалов аммонал более эффективен, и посоветовало тщательнее изучать матчасть. Хотя насчет эффективности это вопрос спорный, ведь никто не знает, что нам предстоит: дробить преграду или выталкивать её. Но вот в чем я совершенно не сомневаюсь, так это в том, что звук от взрывов будет слышен довольно далеко. А до подсолнухов полсотни километров, при условии, что они не имеют обыкновения побродить по развалинам Завидовского Центра пару раз в день, потому что устроили там музей боевой славы предков. И это называется скрытное проведение рейда? У меня девять бойцов и ни одного пулемета, ни РПГ, и боекомплекта с лихвой на дорогу в обе стороны, но для затяжного боя это слезы, другому и не скажешь. И если наша сила в скрытности, то почему мы везем с собой четыреста килограмм ВВ, а не пятьдесят человек с кирками? Можно было отправить все пять вездеходов, какая разница, сколько машин будет ползти ночью без освещения по центру речного русла, две или пять? Шансов пройти незамеченными уж точно больше, чем нам быть неслышанными.

— Боюсь, собрать такое количество добровольцев нам оказалось бы не под силу, — печально вздохнул старый профессор. Он вновь с огорчением вспомнил события последних дней. Чутье опытного руководителя не обмануло Президента. Слухи об официальном ответе Колорадского Альянса быстро расползлись по Центру, и население восприняло их довольно неоднозначно. Первыми тем, что от людей скрывают правду, возмутились независимые журналисты. Потом зазвучали голоса мелких политиков, призывавших правительство опубликовать сообщение американцев. На второй день из Рыбинского ЦСГР по льду пришел торговый караван, и оказалось, что там тоже перехватили послание. Но их Президент, видимо, не сразу осознал все последствия данной информации, протянул с засекречиванием текста, и о его содержании стало известно довольно большому кругу лиц. В общем, после общения с составом каравана держать американский ответ в секрете стало уже невозможно, население начало открыто выражать возмущение. Ответ Колорадского Альянса опубликовали, и люди мгновенно разделились на два лагеря. Одни требовали найти и наказать виновных в гибели рейда,

посланного в самое жуткое пекло ради поиска фантома, другие упрекали американцев в малодушии и заявляли о необходимости отправки рейда в Лос-Анджелес, однако теперь уже никто отправляться за тридевять земель лично желанием не горел. Доморожденные интеллектуалы советовали Президенту приложить больше дипломатических усилий и убедить Колорадский Альянс всё-таки провести рейд, так как им это сделать проще всего. Особенно старались извечные научные оппоненты профессора, привычно сменившие личину с преданных друзей на кристально чистых обличителей. Ответная речь Сеницына, которую он выложил в сеть Центра, потонула в потоках взаимной ругани сторонников и противников.

Менее чем за сутки взаимные возмущения среди населения настолько раскалили атмосферу во всем Волжском Каскаде, что Федотову пришлось признать, что Сеницын отправляется во вторую экспедицию, имеющую целью добыть доказательства подлинности найденных в Новодевичьем монастыре координат. Всеобщего одобрения данная новость не вызвала, многие заявляли, что правительство таким образом цепляется за удачную идею, позволяющую эксплуатировать народный энтузиазм и чувства верующих. Число сторонников Сеницына, защищавших профессора и его идею поисков Наследия, быстро уменьшалось. А как только выяснилось, что искать надо не где-нибудь, а в развалинах Завидовского ЦСГР, у самого Солнечногорска, количество поддерживающих эту идею и вовсе резко сократилось до минимума. Стать жертвой подсолнухов никто не хотел. В итоге добровольцев набралось меньше двадцати человек, в основном фанатично верящих в легенду о Наследии Великой Шаро. Профессор отобрал из них десяток самых увлеченных, водителей и охрану подобрала Служба Безопасности. Ермаков как-то туманно обронил, что Федотов лично утверждал кандидатуру каждого. Что и говорить, вторая экспедиция организовывалась совсем не в такой радужной атмосфере, как первая.

— Общественное мнение — штука очень ненадежная. Изменения направления ветра — и те более предсказуемы, — усмехнулся подполковник. — Почти месяц всем было подавай Наследие, а теперь подавай виноватых. Знаете, что я думаю, Николай Федорович? — он криво улыбнулся. — Сидя в безопасности за Периметром, любой дурак легко может возмущаться или восторгаться чем угодно, это занятие не пыльное. Даже если б оказалось, что мы идем в Завидовский за второй частью самых что ни на есть настоящих координат Наследия, желающих посидеть недельку рядом с подсолнухами вряд ли нашлось больше, чем в нашем случае. И так, и эдак всё бы закончилось добровольно-принудительным назначением.

— Мне искренне жаль, Миша, что вас назначили в экспедицию против воли, — потупил глаза старик, — но вы самый лучший военный специалист по работе за пределами Военизированного Пояса! И Президент, и начальник Службы Безопасности весьма высоко оценили вашу компетентность. Кроме того, не скрою, с вами мне гораздо спокойнее. Вы сумели спасти нас от подсолнухов, а это, насколько мне объяснили, не удавалось ещё никому!

— Спастись от подсолнухов, — недовольно поморщился Ермаков, — как и увидеть их, можно только в одном случае — если самим подсолнухам это нужно. В тот раз нам повезло дважды: их было очень мало, и потому они не перебили всех в первые же секунды огневого налёта — это раз, и их интересовало горючее и освобождение пленных — это два. На нас им было плевать, потому нам позволили уйти. Наверняка в этом был ещё и психологический момент — если в Центр не вернется никто, то причина гибели рейда останется тайной. Если же домой в ужасе примчится жалкая кучка выживших, все очень хорошо усвоят, что лучше не надо соваться куда не следует. И сейчас мы демонстрируем, что урок не усвоен. Второй раз нам прозрачных намеков делать никто не станет. Вас все ещё удивляет, что я не вызвался добровольцем? В нашем положении вполне реально незамеченными добраться туда и вернуться назад, но просидеть рядом с подсолнухами неделю... — Подполковник скептически покачал головой. — Это нужно обладать очень большим везением.

— Уверен, мы управимся за день! — заявил Сеницын. — Какой бы ни была степень разрушения административного гермокорпуса, это не может стать непреодолимым препятствием. Конструкция Завидовского ЦСГР абсолютно идентична нашему, и у нас на руках есть подробные план-схемы. Мы доберемся до дата-центра за несколько часов, если понадобится, применим взрывчатку. Что бы там ни произошло сто восемьдесят лет назад, какие-то накопители информации должны были уцелеть! Блоки хранения данных дата-центра размещены в противоударных корпусах, а хранилище резервных копий

имеет повышенную степень защиты. Оно-то нам и нужно! Нет сомнения, что не все блоки безвозвратно погибли. Мы сможем восстановить хранившиеся на них данные.

— Скажите, профессор, что вы рассчитываете там найти? — в полумраке подрагивающей кабины вездехода, через лицевые щитки двух гермошлемов, Синицын едва мог разглядеть направленный на него взгляд Ермакова. — Ради чего мы так рискуем? Расплывчатые заявления Президентов о якобы имевшихся секретных данных о наличии у Завидовцев информации по Наследию не вызывают у меня твердой уверенности в необходимости этого рейда. Прошлый обошелся нам слишком дорого, и кто теперь может дать гарантию, что те люди погибли не зря?

— Мы с вами, Миша, и едем сейчас за этой гарантией! — с жаром принялся объяснять профессор. — Я обещал Президенту соблюдать государственную тайну, но теперь могу рассказать вам подробности! Как вам известно, у Рыбинского ЦСГР имеется дирижабль. Возможно, вы помните, что изначально их Центр не был оснащен дирижаблем, он достался им от Завидовского ЦСГР. Правительственный центр имел станцию воздухоплавания из трех мачт и, соответственно, трех таких воздушных машин. На них осуществлялось патрулирование окрестностей Центра, торговые операции с другими Центрами, а также обслуживание вахтовых смен на Ивановской ГЭС, являвшейся энергоисточником для Завидовцев. По некоторым данным в качестве резервного у них имелся ядерный реактор с запасом топлива. По одним данным запас был рассчитан на десять, по другим на двадцать лет, но запуск реактора предполагался только в исключительных случаях. Впрочем, по другой информации реактора там никогда не было, и быть не могло, ведь единая конструкция ЦСГР такого не предусматривает. Но мы отошли от темы. Дирижаблями Завидовцы активно пользовались, и в момент гибели один из них находился с торговой миссией в Рыбинском Центре. Туда он, в конечном итоге, и вернулся. Среди его экипажа имелся торговый представитель. Как следует из засекреченных данных Рыбинского ЦСГР, он являлся близким родственником одного из высших должностных лиц российского отделения «Сёрвайвинг Корпорэйшн». Именно он и упоминал об информации, добыть которую наш священный долг!

— И что же в ней такого священного, Николай Федорович? — мутно-жёлтый полумрак покачивающейся кабины скрыл усмешку подполковника. — Концерн ведь так и не нашел никаких доказательств существования Наследия.

— Но это не значит, что он их не искал! — немедленно парировал старик. — Служба Безопасности «СК» рыла землю по всему миру до самого Хаоса! Владеющая планетой организация не будет безосновательно тратить на подобные поиски огромные средства, вам не кажется? И в распоряжении руководства российского отделения «СК» имелись эти основания! В изолированных накопительных емкостях Службы Безопасности Завидовского ЦСГР содержится вся информация, накопленная сыщиками за годы поисков! Конечно, никаких точных координат там нет, но есть масса косвенных данных и предпосылок, на основании которых Концерн и вёл поиски! С помощью этого я смогу неопровержимо доказать свою правоту и убедить мировую общественность снарядить рейд за второй частью послания Шаро Предрекшей!

— Если это действительно так, то опасная получится находка, — задумчиво произнес Ермаков.

— Что вы имеете в виду? — озадачился Синицын. — Тем данным более двухсот лет, они давно уже не представляют никакого интереса, кроме научного. Действия Концерна по поиску Наследия заглохли сами собой с началом Хаоса...

— Если эти ваши данные находятся в изолированных емкостях Службы Безопасности, то в тех массивах лежит не только история расследования дела Шаро Предрекшей, — тихо фыркнул подполковник. — Это засекреченные архивы «СК», можно только догадываться, сколько грязной информации там спрятано от глаз непосвященных. Завидовский ЦСГР был резиденцией правящих структур. Если она выплывает наружу, нас ждёт ещё большее разочарование в своих предках. И новый виток борьбы за власть. Я даже удивлен, что все три Президента Волжского Каскада без сомнений пошли на это.

— Перед великой миссией поиска Наследия Шаро Предрекшей меркнут любые проблемы! — убежденно заявил профессор. — Что есть мелкие дрызги в сравнении, к примеру, с возрождением планеты? Правительства не могут этого не понимать!

— Надеюсь, что вы правы, Николай Федорович, и всё действительно так и есть, — негромко ответил Ермаков. — Потому что по организации рейда и его техническому и боевому оснащению этого не скажешь. Если бы не двухнедельные запасы топлива и рационов, да двойной комплект фильтров с медикаментами, я б вообще подумал, что от нас хотят избавиться таким затейливым способом.

— Бросьте, Миша! — воскликнул профессор. — Вы слишком сгущаете краски! Мне и без того не по себе! Понимание того, что мы находимся в крошечной тьме, посреди кишаших лигами территорий, и так самым неприятным образом выбивает меня из колеи.

— А зря, — улыбнулся подполковник. — Лиги на льду не живут, до берега далеко, и пока вокруг ночь, заметить нас точно некому. Так что, как я уже говорил, шансы добраться до цели у нас есть. А вот то, что начнется потом, мне совсем не нравится. Вести взрывные работы в развалинах Центра и не привлечь внимание лигов вряд ли возможно. Известия о появившихся в руинах Чистых дойдут до Солнечногорска очень быстро.

— Этого не произойдет, — успокоил офицера старик. — Район погибшего Центра традиционно безлюден, это доказано, а в такие морозы, как сейчас, многие хищники залегают в берлогах. Кроме того, завтра Новый год, и для лигов это такой же праздник, как и для нас, так что в нашем распоряжении даже два дня гарантированного спокойствия. Как видите, Миша, мы всё продумали.

— Я поверю в это не раньше, чем услышу доклады от разведчиков, — безапелляционно заявил Ермаков. — Сколько я ни видел спланированных штабом операций, действительность всегда от них отличалась. Я не поведу рейд к берегу до тех пор, пока не буду убежден, что в развалинах чисто. Это вообще очень удивительно, что там не поселились лиги. Хоть и разрушенные, а все же здания, причем у воды, то есть рядом с пищей. Лиги всегда живут в таких местах. Они даже в Углич постоянно возвращаются, а ведь мы его регулярно чистим. За двести лет от города камня на камне не осталось. А тут хорошее место и вдали от Чистых, но почему-то пустует. Странно.

— Как раз это вполне объяснимо, — поспешил вывести подполковника из заблуждения Сеницын. — Уничтожение Завидовского ЦСГР подсолнухами произошло летом. В ходе этого кровавого злодеяния, чудовищного по своим масштабам, погибло порядка миллиона человек! Конечно, кто-то мог спастись бегством, но уже тогда окружающая среда была крайне враждебна к чистому генотипу, и человек без скафандра неминуемо бы подвергся сильнейшей интоксикации и отравлению. В те времена мучительная смерть наступала в течение трех-четырех суток. В скафандрах тех лет фильтры были рассчитаны на сутки непрерывной работы, но анклав Завидовцев на Ивановской ГЭС погиб либо в тот же, либо на следующий день. К нашей плотине не вышло ни одного человека, хотя теоретически они могли это сделать, в то время между нами существовало сообщение по реке. Отсюда историками был сделан вывод, что бесчеловечные монстры жестоко убили всех жителей Центра и всю вахтенную смену ГЭС.

Старик сделал паузу и несколько раз вдохнул, переводя дух. Воздух в скафандр поступает через фильтры, это не привычный прямоток фильтровентиляционных установок гермокорпусов, и, увлекшись разговором, Сеницын сбил дыхание. Надо было дышать равномернее, он же знает, как это делается! Профессор вновь укорил себя за рассеянность и продолжил:

— Логично предположить, что основное количество жертв кровавых убийц погибло внутри периметра. Но миллион трупов не мог полностью сгореть при пожаре, и разложение их останков неизбежно вызвало возникновение опасных инфекций, и в первую очередь чумы. Это дает веские основания считать, что всевозможные падальщики и грызуны разносили болезни довольно далеко от погибшего Центра. Наверняка множество лигов, обитавших в его окрестностях, умерло от этих эпидемий. Очень вероятно, что местность в том районе вообще обезлюдела на долгое время. А так как лиги либо недееспособны, либо лишены вменяемого образования, то дремучие суеверия среди них весьма и весьма распространены. Руины Завидовского ЦСГР могут оставаться для них табу до сих пор ещё со времен опустошающих эпидемий. Эту гипотезу полностью подтверждает отчет ученых Рыбинского Центра, затребованный Президентом специально для подготовки этого рейда. Два года назад они проводили воздушную разведку нашей части Волжского Каскада и не обнаружили в руинах Завидовского ЦСГР никаких признаков жизни.

— Так вроде бы дирижабль тогда дошел только до Дубны? — нахмурился подполковник. — Они осматривали состояние Иваньковской плотины, попали под обстрел лигов и ушли назад. Кажется, так говорилось в их официальной сводке.

— Я тоже так считал, — подтвердил Сеницын, — однако четыре дня назад выяснились неизвестные подробности. Руководство Рыбинского Центра засекретило эти детали ради спокойствия своего населения. Но в ответ на специальный запрос нашего Президента оно прислало полную версию того отчета. Она, кстати, до сих пор остается засекреченной, имейте в виду, Миша! Так вот, оказывается, их дирижабль в тот день прошел до самых руин Завидовского Центра! Рыбинский Президент рассматривал возможность организации к ним археологического рейда по воздуху. Осмотр с высоты птичьего полета показал, что развалины необитаемы, давно заброшены и сильно заросли токсичным сорняком, над которым обильно висят рои ядовитых насекомых. Но сейчас зима, и это препятствие нас минует. А под обстрел дирижабль попал действительно над Дубной, но только уже на обратном пути. Хотя стреляло очень небольшое количество лигов и явно не из боевого оружия, из-за этого, а также из-за сорняков с насекомыми, Рыбинцы временно отказались от экспедиции.

— Странно, что они вообще рассматривали такую экспедицию, — недоуменно произнес Ермаков. — Дирижабль видно за десятки километров, лучшей приманки не найти. Ещё до полного окончания выгрузки к нему сбежались бы сотни дебилов. А потом появился бы кое-кто гораздо страшнее. Да и тяжелую технику на дирижабль не погрузишь. Нелепый какой-то план...

Резкий толчок оборвал подполковника на полуслове. Вездеход замер на месте, и инерция бросила пассажиров вперед, заставляя хвататься за поручни.

— Ложись!!! — мгновенно рванулся вниз Ермаков. — К бою! — и полуползком метнулся к водителю.

Все бросились на пол, под лавки. Солдаты ошетинились автоматными стволами, торопливо лязгая затворами, и Сеницын увидел, как его ассистент, залегший через проход, неловкими движениями пытается извлечь из кобуры пистолет. Старик с ужасом подумал, что оправдались его самые жуткие кошмары, но глухой голос подполковника успокоил готовые лопнуть нервы:

— Отбой тревоги! — Ермаков почти кричал через гермошлем. — Гражданским оставаться на местах! Механику и первому отделению — к машине! Соблюдать радиомолчание, все переговоры только напрямую! — он подошел к двери, ткнул кулаком в выключатель, гася чахлое освещение, и первым покинул кабину вездехода.

Первую поломку удалось устранить быстро, через двадцать минут колонна продолжила движение. Вторая тревога последовала спустя час: выяснилось, что, несмотря на движение по азимуту, экспедиция отклонилась от курса и сошла с центра русла. Водитель головного вездехода увидел в приборе ночного видения приближающийся берег и остановился. Ермаков взял с собой троих бойцов, приказал не включать внутреннее освещение и вновь скрылся в завывающем ледяным ветром ночном мраке. Вернулся подполковник нескоро. Входная дверь отворилась, и внутрь вездехода ворвался порыв ветра, швыряя в людей снежную пыль. В темном прямоугольнике дверного проема возникла фигура Ермакова, он жестом забрал оставшихся бойцов и исчез. Ещё через несколько минут Сеницын услышал удаляющийся рокот моторов обоих снегоходов. Назад они возвратились только через два часа.

— Маршрут проложен неверно, — Ермаков подключился к сети вездехода, свободной рукой стряхивая со скафандра снег. — Азимуты не совпадают с реальным центром русла. Мы уперлись в берег, но, если смотреть по маршруту, его здесь быть не должно.

— Очень странно! — профессор потянулся к собственной карте. — Маршрут прокладывали специалисты Службы Безопасности на основании архивных данных. Именно этим путем осуществлялось сообщение между Угличской и Иваньковской ГЭС в те времена, когда Завидовский ЦСГР ещё был жив. Может быть, компас неисправен?

— Сразу все? — хмыкнул подполковник. — Если так, то сломались они как-то одинаково. Придется ждать спутник, он пройдет над нами через полтора часа. Двигаться дальше нельзя, непонятно, в какую сторону надо идти, в этом районе несколько протоков. В темноте не разобраться, а включать свет — самоубийство. Вокруг полно развалин, наверняка крупный населенный пункт. Несколько раз вдали мы

видели огни в руинах. Значит, лигов тут хватает. Если нас заметят, то результат может оказаться самым неприятным.

— Как только будете знать наше точное местоположение, предоставьте мне координаты! — старик развернул отпечатанную на клеёнке карту и пытался осветить её тусклым светом фонарика. — Я проложу новый маршрут, это займет не более часа! — Вездеход тронулся, и профессор с тревогой посмотрел на Ермакова: — Куда мы едем?

— Уходим к центру реки, — ответил тот. — Оставаться у берега опасно. Двадцать минут назад мы проходили какой-то небольшой островок, попытаемся укрыться за ним. Надо торопиться, пока снегопад не закончился. Он скроет наши следы.

Время в ожидании спутника прошло тревожно. Оказалось, что остров достаточно велик и имеет небольшую бухту, в неё и загнали вездеходы. Его поверхность была покрыта невысоким лесом из спутанной мутафлоры. Уродливые, покрытые грибок и струпьями язв, чахлые деревья и кустарники переплетались друг с другом, образуя бесформенную паутину из кривых стволов и ветвей, на которой крупными шапками скапливался снег, мелким крошевом сыплющийся с наглухо затянутого тучами неба. Резкие порывы ветра, разгоняющегося по ледяной пустыне, били в полусгнившие заросли, и сгибающиеся под тяжестью снежных шапок ветви не выдерживали нагрузки. Каждую минуту то тут, то там в ночном мраке раздавался хруст ломающихся ветвей, и залегшие под днищами вездеходов часовые плотнее прижимались к огромным колесам. Живут на острове лиги или нет, определить так и не удалось, и солдаты не отрывались от ночных прицелов, распластавшись на заснеженном льду. Вскоре снегопад прекратился, и порывы ветра усилились, быстро выстуживая скафандры и сводя на нет усилия термоконтра. Чтобы не заморозить бойцов, Ермакову приходилось менять охрану каждые полчаса, но все равно люди возвращались с постов насквозь продрогшие, и подполковник отдал приказ на внеочередную раздачу саморазогревающихся пищевых картриджей.

Наконец спутник вошел в зону контакта, и выцветший дисплей навигатора слабо вспыхнул отметкой местоположения. Ермаков несколько минут возился с навигатором, после чего подошел к Синицыну.

— Мы вот тут, — он протянул профессору навигатор. — Судя по всему, на этом отрезке маршрута и была допущена ошибка. Вместо точки поворота и движения далее по руслу, мы прошли прямо, вошли в устье Жабни и уперлись прямо в городские развалины. Это Калязин, и лигов тут полно. Чем быстрее мы отсюда уйдем, тем лучше.

— Калязин? — Синицын, подслеповато прищурившись, всматривался в экран навигатора. — Это превосходно, — бормотал он, пытаясь справиться с кнопками прибора затянутыми в перчатки скафандра пальцами. — Вот здесь находится удивительный образец древнего зодчества! Старинная колокольня, стоящая прямо на воде. То есть в действительности из воды выступает небольшой клочок земли, на нем и выстроено сооружение, но сейчас наблюдатель увидит лишь колокольню, выросшую прямо на бескрайней ледяной поверхности! Нам необходимо отыскать её, она послужит стартовым ориентиром для прокладки курса. Я займусь расчетами немедленно, нужно убедиться, что далее по маршруту нет других ошибок!

Колокольню военные обнаружили через двадцать минут. К этому моменту снегопад начался вновь, и в завьюженной крошечной тьме снегоходы несколько раз проходили мимо объекта поисков. В конце концов строение нашли и подогнали к нему вездеходы, стремясь отойти подальше от побережья, пока идет снег. С прокладкой нового курса Синицын справился к двум ночи, поставив своего рода личный рекорд в произведении расчетов в потемках.

— Вы оказались правы, Миша, — сообщил он подполковнику. — В расчеты маршрута закралась досадная ошибка! Признаюсь, я решительно не понимаю, как такое могли допустить в Службе Безопасности, они же пользовались архивными данными... Вот этот отрезок, видите? — старик указал на один из участков ломаной линии первоначального маршрута. — Он проложен верно, по центру русла вдоль побережья, на максимальном удалении от обоих берегов. Вот здесь точка поворота. Русло меняет направление под углом едва ли не в сорок пять градусов, и курс меняется вместе с ним, все правильно. Однако в описании маршрута на этом отрезке указан неверный азимут, из-за чего мы чрезмерно приняли к правому берегу. И вдобавок длина отрезка почему-то обозначена, как почти вдвое большая. В результате мы прошли правее, миновали точку поворота и действительно углубились в устье Жабни, дойдя до самого берега. Подобная ошибка может быть вызвана

исключительно невнимательностью расчётчиков! Вопиющая халатность! — профессор возмущенно потряс картой. — Но теперь мы можем уверенно продолжить движение. Я пересчитал и обновил курс, длины отрезков маршрута определены с точностью до двух метров, ошибки исключены!

Ермаков забрал у Сеницына навигатор и карту и включил нашлемный фонарь. Быстро сверившись с новым курсом, он бросил взгляд на хронометр и хмуро произнес:

— До Иваньковской ГЭС девяносто километров. Через семь часов начнет светать. Надо успеть пройти Дубну затемно, это самый опасный участок маршрута, возле города ширина русла метров триста с небольшим, могут заметить даже на середине. А нам ещё надо найти обход плотины по суше, там перепад высот десять метров. Если будем и дальше так плестись, рискуем не успеть.

Рейд продолжил путь, увеличив скорость. Поначалу всё шло хорошо, первый отрезок пути и вовсе шли сорок километров в час, благо Сеницын рассчитал его прямым, как стрела. Но далее русло вновь становилось извилистым, и движение замедлилось. В кромешной тьме порывы ледяного ветра свивали из снегопада густую метель, и выдавшие виды приборы ночного видения практически не показывали дорогу. Видимость резко упала, и экспедиция вновь поползла. Дважды барахлил основной инфракрасный прожектор, рейд останавливался, и механики возились с неполадками. Когда до Дубны оставалось порядка тридцати километров, у второго вездехода лопнула изношенная рулевая тяга, он лишился управления и встал. Водитель впереди идущей машины не сразу заметил отсутствие замыкающего, и аварийному экипажу пришлось нарушить режим радиомолчания. Головной вездеход вернулся, и механики приступили к ремонту.

Сразу стало ясно, что без освещения вездеход не починить, а тащить на буксире означает полностью потерять скорость и неминуемо оказаться с рассветом посреди Дубны, в самой узкой части реки. На проведение ремонта Ермаков мобилизовал весь состав экспедиции. Пока оба механика возились под машиной, снимая, заваривая и устанавливая обратно лопнувшую тягу, остальные два часа стояли вокруг и закрывали их армейскими плащ-палатками, чтобы хоть как-то снизить свечение вспышек сварочного аппарата и работу осветительных фонарей. Борьба с ветром, стремящимся вырвать из человеческих рук брезентовое полотно, настолько утомила Сеницына, что по возвращении внутрь вездехода он уже не смог ответить себе на вопрос, от чего именно не чувствует ни рук, ни ног: от холода или безмерной усталости.

— Как вы, Николай Федорович? — ассистент помог обессилевшему профессору усесться на лавку.

— Удерживать плащ-палатку вдвоем на таком ветру в моем возрасте слишком тяжелое испытание, — прокряхтел старик. Он попытался выкрутить верньер термоконтур на максимум, но тот и так уже находился в крайнем положении. — Витя, вы не подадите мне тестер? Что-то термоконтур не греет.

Ассистент достал из инструментального ящика прибор и протянул его Сеницыну. Тест показал, что скафандр исправен, все системы работают нормально, и старый профессор понял, что не чувствует тепла из-за холода, сковавшего тело словно изнутри. Сейчас бы кружку горячего чая...

— Что со скафандром? — в кабину вездехода один за другим забирались солдаты, и старик увидел рядом с ассистентом Ермакова. Тот указал на тестер и переспросил: — Николай Федорович?

— Замерз он сильно, — ответил за старика ассистент. — Мы думали, термоконтур сломался. Но он в порядке, только что протестировали.

— Стар я уже для таких морозов, — пожаловался профессор, — продрог, рук-ног не чувствую...

— Переохлаждение, — оценил подполковник, склоняясь над Сеницыным. — В аптечке есть препарат. — Он раскрыл аптечный подсумок на поясе профессора и достал небольшой предмет. — Это насадка для пищевого картриджа. Там порошок, смесь аспирина с витамином С. Помогает согреться в подобных случаях и не слечь с температурой сразу же. Запомните на будущее, — он вложил насадку обратно и закрыл аптечку. — Я принесу ещё один. Сейчас проведем горячий ужин, надо только отойти от этого места подальше. Если нас все-таки заметили, то с рассветом точно придут посмотреть, откуда тут свет.

— Разве нас можно было заметить? — слабо удивился профессор. Внутри вездехода было значительно теплее, чем на пронизанной стужей ледяной поверхности, и старик ощутил, как начинает пригревать термоконтур и чувствительность возвращается к замерзшим конечностям. — Мы же

образовали два круга из плащ-палаток. При таком снегопаде и ветре работу генератора и сварочного аппарата не заметить и с десяти шагов...

— На самом деле тут как повезет, — Ермаков махнул рукой водителю, и вездеход тронулся с места. — В полной темноте даже слабый отблеск виден далеко, а пурга может как скрыть свет, так отразить его, особенно вверх. И тогда видно будет с приличного расстояния. Нам лучше найти укрытие, пока до рассвета ещё осталось время. С вашего маршрута мы не сбились, час назад проходил спутник, я сверялся. Мы в узком месте, но рядом с нами есть несколько небольших островов, укроемся среди них и посмотрим, насколько у нас везение развито.

Подходящее для днёвки место удалось найти до рассвета. Вездеходы зашли в протоку между двумя островами и прижались к берегу, после чего их накрыли маскировочной сетью. Теперь оставалось надеяться на усиленную шумоизоляцию двигателей и милость Фортуны. У Сеницына, отогревшегося только благодаря совокупному результату работы термоконтра и горячей пищи с медицинской добавкой, начался кашель, и было ясно, что ещё одного переохлаждения он может не вынести. Ермаков заставил его принять ещё одну порцию препарата и приказал не глушить двигатели. Подполковник разделил своих солдат на две смены и увел первую занимать круговую оборону. Первый луч солнца, пробившийся через открытый профессором вентиляционный клапан, встретили напряженным молчанием.

Когда пришло время менять часовых, начало этого процесса испугало Сеницына не на шутку. Входная дверь медленно приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась рука в скафандре. Кто-то, находящийся снаружи, очень и очень осторожно открывал дверь, стремясь избежать малейшего скрипа или шума. Вскоре профессор увидел Ермакова. Подполковник был предельно собран и медленно доводил дверь в крайнее положение. Позади него виднелась пара залегших бойцов, всматривающихся куда-то вдаль, вдоль острова, и готовых открыть огонь. Ермаков, не произнося ни слова, сделал жест, и свежая смена принялась красться к выходу, тщательно обходя углы лавок и походных ящиков. После того как они заняли позиции, сменившиеся бойцы так же осторожно забрались внутрь, следя за тем, чтобы случайно не задеть ни за что снаряжением. Подполковник влез в кабину последним и столь же аккуратно и медленно запер дверь.

— Что происходит? — прошептал Сеницын, едва Ермаков подключился к внутренней сети вездехода. — Мимо нас проходят лиги? — нарастающее беспокойство вызвало в памяти картины боя с подсолнухами, и старик непроизвольно понизил голос, находясь в замкнутой телефонной сети.

— В километре от нас два десятка лигов выдолбили прорубь и ловят рыбу, — негромко ответил подполковник, укладываясь на лавку. — С самого утра сидят. Похоже, заготавливают пищу к празднику. Сегодня Новый год как-никак.

— В километре? — у профессора отлегло от сердца. — Я было подумал, что они совсем рядом, когда вы открывали дверь!

— На улице штиль, снегопад закончился. В такую погоду скрип разносится далеко. Лучше не рисковать, у слепых от рождения лигов очень хороший слух. — Ермаков закрыл глаза. — Закат сегодня в шестнадцать часов. Ждать ещё долго.

Подполковник заснул мгновенно, и Сеницын счел разумным последовать его примеру. Но сон никак не шел, кашель усиливался, ощущение близкой опасности не давало покоя. Чтобы отвлечь себя от нервного состояния, профессор достал карты и схемы и принялся ещё раз уточнять детали предстоящей работы. Ивановскую ГЭС необходимо обойти по суше, по левому берегу Волги. Прибрежная полоса в тех местах пологая, покинуть русло труда не составит, главной задачей будет скрытно обогнуть левобережную часть Дубны. Пройти надо всего два почти перпендикулярных друг другу отрезка пути общей длиной в шесть километров, на карте они выглядели прямыми линиями. Но двигаться-то придется не по ровному руслу, судя по архивным данным, местность там когда-то была частью равнинная, частью лесистая, а вот что сейчас... В полной темноте это будет нелегкая задача. Зато, как только экспедиция выберется на поверхность Ивановского водохранилища, дальнейший путь значительно упростится, следующее узкое место будет уже в безлюдной местности. Однозначно до развалин погибшего Центра рейд доберется задолго до восхода. Весьма вероятно, что ещё до рассвета им удастся добраться до административного гермокорпуса и углубиться в цокольные этажи...

Увлечшись анализом предстоящих действий, Сеницын не заметил, как уснул, и вскоре ему уже снились подземные коридоры дата-центра, почему-то полузасыпанные снегом, испещренным уродливыми отпечатками босых лиговских ног. Профессор крался между рядами обгоревших шкафов с накопителями данных, подражая солдатам Ермакова, и старался не зацепиться о торчащие со всех сторон закопченные железки и привлечь внимание подсолнухов, которые ловят рыбу на побережье. О том, что они там её ловят, он знал точно, но было неясно, есть ли среди подсолнухов слепые с хорошим слухом и потому Сеницын решил не рисковать. Нужный ему шкаф он нашел сразу. Тот стоял в углу особняком и единственный из всех был чисто вымытым, без малейших следов копоты, и отчетливо пах свежей краской. Профессор приблизился к нему, на ходу извлекая из откуда ни возьмись появившейся сумки большие гидравлические ножницы. Это же секретные емкости Службы Безопасности, значит, без огромного висячего замка не обошлось и надо перекусить дужку. Замок действительно был, здоровенный, килограмма на три весом, и почему-то очень ржавый и незамкнутый, болтающийся на одной петле. Сеницын с удивлением обнаружил, что шкаф не заперт, и принялся очень осторожно открывать дверцу, памятуя о том, что на улице штиль и случайный скрип мгновенно донесется до побережья. Но внутри вместо сложной электроники и мигающих индикаторами накопителей нашлись покрытые облупленной краской полки, заваленные каким-то мусором, истлевшим тряпьем и пожелтевшими листами бумаги. Профессор долго разгребал руками весь этот хлам, но так и не нашел ни одного накопителя информации. В сердцах он попытался спихнуть всё с полок наземь, но в этот момент пол поплыл у него из-под ног и Сеницын испуганно замахал руками, стараясь удержать равновесие.

— Николай Федорович! — из глубины шкафа, словно из бочки, раздался голос ассистента. — Всё в порядке, это я, Виктор!

Сеницын открыл глаза и увидел Виктора, придерживающего готового свалиться с лавки профессора. Получается, что уснул он прямо в сидячем положении и, пока размахивал руками, разбросал по кабине свои документы.

— Как неловко получилось, — огорчился старик, оглядываясь вокруг в поисках разлетевшихся листов целлулоидной бумаги. Он попытался нагнуться, чтобы подобрать лежащую у ног карту, но кабина вездехода дрогнула, и старик поспешно ухватился за поручень впереди стоящей лавки.

— Мы куда-то едем? — только сейчас он обратил внимание, что место Ермакова пусто.

— Выходим на маршрут, — ответил Виктор, подхватывая карту. — Сидите, Николай Федорович, я соберу.

— Как на маршрут? — удивился Сеницын. — Разве мы не будем ждать темноты?

— Солнце село два часа назад, — улыбнулся ассистент, — сейчас почти семь. Вы долго спали, профессор, я не стал вас будить. Вам надо было отдохнуть. Вот, держите, — он протянул ему пищевой картридж, — ваш обед. Я уже укрепил насадку с лекарственным препаратом.

Перекусив, Сеницын подошел к Ермакову, занявшему командирское сиденье рядом с водителем. Подполковник держал в руках навигатор и бросал взгляд то на экран тепловизора, то на его выцветший дисплей, демонстрирующий предупреждение об отсутствии сигнала. Слабый мутно-жёлтый свет укрепленного над выходной дверью светильника не попадал в отгороженную полуперегородкой водительскую часть кабины, и свечение электронных экранов делало окружающую темноту ещё более черной. Профессор напряг ослабевшее от старости зрение и попытался увидеть улицу в узкое оконце водителя, однако так и не смог разглядеть ничего, кроме бьющегося в толстое стекло снежного песка.

— Опять пошел снег? — взгляд Сеницына произвольно вернулся к экрану тепловизора. Не получив ответа, он понял, что говорит слишком тихо будучи в гермошлеме, и повторил вопрос.

— Нет ещё, — ответил Ермаков, не оборачиваясь. — Метет сильно. Но небо затянуто, скоро сыпанет.

Профессор хотел спросить что-то ещё, как вдруг на тепловизоре тускло вспыхнуло сразу с десятков маленьких отметок. Сеницын обмер.

— П... подсолнухи?! — выдавил он из себя, невольно приседая в узкое пространство между перегородкой и спинкой водительского сиденья.

— Что?! — подполковник резко вскочил, одним движением переводя автомат в боевое положение, но увидел замерший на тепловизоре взгляд Сеницына и с облегчением уселся обратно. — Нет, Николай Федорович, — это обычные лиги. — Он указал на скопление точек: — Видите, две отметки движутся быстрее остальных? Это четвероногие.

— Вы говорите о домашних животных? — догадался старик. — Полагаю, это собаки!

— Не обязательно, — возразил офицер. — Многим лигам инвалидность позволяет передвигаться только на четырех конечностях. Зачастую такие уродцы довольно быстро бегают. Быстрее, чем мы. Это могут быть и они. У нас мощный тепловизор, мы способны засекают тепловую сигнатуру сопоставимого с человеком биологического объекта на расстоянии до двух километров. Но это предельная дальность, разобрать, кто есть кто, издалека не получится. А подсолнухов так просто не обнаружить. Тепловизор видит не их, а тепловые вспышки оружия, когда они ведут огонь. Так что это просто лиги, вышедшие из домов. Или где они тут живут... — Он замолчал, всматриваясь в навигатор, и удовлетворенно ткнул пальцем во вспыхнувшую на его дисплее точку: — Есть спутник!

— Но почему их так много? — профессор вылез из-за водительского сиденья, с опаской поглядывая на медленно плывущую по экрану тепловизора группу отметок. — Вы уверены, что они не заметили нас и не организовали погоню?

— Они всегда передвигаются группами. Прими левее сорок, — Ермаков, сверяясь с навигатором, короткими фразами корректировал работу водителя. — У лигов высоко развита взаимовыручка, они же инвалиды, и многое не способны сделать в одиночку. Плавнее! Тем более, сегодня новогодняя ночь, может, они дров заготовить пошли или в гости к кому собрались... Мы проходим Кимры, двести лет назад тут были остатки речного порта и жило тысяч пятьдесят лигов. Проскочили азимут! Давай левее два метра! Сейчас их, как и везде, ориентировочно в семьдесят-восемьдесят раз меньше, но все равно, если бы они устроили за нами погоню, отметок было бы на порядок больше... Всё, мы на курсе! Держи азимут. До точки поворота тысяча пятьсот метров, успеем дойти до ухода спутника.

— Не безопаснее ли было бы дождаться глубокой ночи, когда они лягут спать? — Сеницын взгляделся в дисплей навигатора и мысленно перенес его отметку на собственную карту. Выходило, что двигаться через город по руслу реки им ещё километров семь.

— Кто их знает, когда они в Новый год спать ложатся, — пожал плечами подполковник. — Может, как обычно, а может к утру, как мы. Только время потеряем. Темнее уже не будет, мы плетемся едва десять километров в час, а до точки выхода на берег почти двадцать два километра. И одна Шаро знает, как через лес идти будем.

Ермаков оказался прав. Несколько километров по левому берегу Волги в обход Дубны стали самой тяжелой частью маршрута. До запланированной точки схода с русла доползли за два часа без происшествий, несмотря на узость реки и кишащие лигами развалины Кимр. Путь мимо давно выгоревшего и обрушившегося городка стоил Сеницыну изрядного количества нервных клеток. Каждую минуту тепловизор показывал какую-нибудь группу отметок, и несмотря на то, что лиги не замечали крадущийся по центру замерзшей реки рейд, каждый раз профессору казалось, что двигатели орут надрывно, снег под колесами скрипит оглушительно и экспедиция на грани обнаружения. Однако Шаро Предрекая была милостива, и всё обошлось. Проблемы начались с приближением к Дубне. Водитель увидел впереди огни, и колонна остановилась. Ермаков взял нескольких бойцов и ушел на разведку местности, оставив гражданский персонал в томительном ожидании. Вернулся подполковник только через два часа.

— Дубна населена плотнее, чем мы ожидали, — угрюмо сообщил он, раскладывая карту рядом с навигатором. — И у них есть электрическое освещение в прилегающем к ГЭС районе, сразу в нескольких домах.

— Но ГЭС не может просуществовать без поломок двести лет! — возразил Сеницын. — У лигов нет ни науки, ни образования, чтобы проводить необходимую профилактику оборудования! Техника и гидроагрегаты давно должны были выйти из строя, даже учитывая тот факт, что при уничтожении анклава Завидовцев на ГЭС подсолнухи не предпринимали попыток разрушить или повредить дамбу. Вероятно, лиги в Дубне применяют иной способ добычи электроэнергии.

— Для нас никакой разницы, — махнул рукой Ермаков. — Подходить ближе было слишком опасно, что увидели, то увидели. Дома когда-то горели, но сейчас окна забиты, и через них пробивается свет.

И, похоже, лиги готовятся встречать праздник, в сторону центра постоянно движутся крупные группы. Это нам на руку, значит, на окраинах их станет меньше, но ближе подходить к городу нельзя. Надо выбираться на берег тут, требуется новый курс.

С этой задачей Синицын справился за полчаса, тщательно выверяя маршрут по местности, безлюдной даже на архивной карте. С русла сошли быстро и полтора километра двигались по покрытой глубоким снегом пустоши почти под прямым углом к реке, планируя обойти левобережную часть Дубны с юга. Но пустынная целина уперлась в лес, и началось одно сплошное бедствие. Идти вдоль леса означало вновь выйти к городу, единственным выходом оставалось движение напролом прежним курсом до точки поворота, затем поворот и дальнейшее движение вплоть до выхода к Ивановскому водохранилищу. Но воплотить это в жизнь оказалось намного сложнее, чем запланировать.

Вездеходам добавили давления в шинах, установили отвалы для расчистки пути от растительности, и рейд углубился в лес. Чахлые гнилые деревья ломались под давлением вездеходов, словно спички, но очень быстро скорость продвижения упала до минимальной. Пораженный болезнями, грибок и гнилью лес был усыпан трухлявым валежником и заледеневшим гнильем, оставшимся от отмершей мутафлоры. Двигатели вездеходов работали в режиме перегрузки, постоянно борясь с деревьями, ямами и скрытыми глубоким снегом препятствиями. Сразу же стало ясно, что без освещения ориентироваться среди прогнившей растительности невозможно. Пришлось включить ходовые прожекторы, надеясь на то, что в новогоднюю ночь в лесу вдали от города лиги бродить не станут. Ещё через двести метров произошла первая поломка, из-за высокой нагрузки на головном вездеходе оторвался масляный фильтр, и машина полностью не вышла из строя лишь волею Шаро Предрекшей — водитель сразу же почувствовал беду и заглушил двигатель. Фатальной утечки масла удалось избежать, поломку устранили, но вездеход не прошел и десятка метров. Внезапно одно из колес резко ушло вниз, в засыпанную снегом глубокую яму, из которой во все стороны с визгливым рычанием рванулись обезображенные мутациями твари. К счастью, никто из обитателей этой берлоги нападать на машины не захотел.

В результате этой аварии лопнул один из амортизирующих элементов подвески, и головной вездеход сначала вытаскивали назад при помощи буксирного троса, потом долго разбирали поврежденный узел, заваривали, собирали, после чего пробивались в обход злополучной берлоги... После ещё дважды сторали предохранители, и в довершение всего отвал вездехода, пробивая очередной сугроб, неожиданно вместо трухлявой гнили столкнулся с засыпанным снегом металлом. Один из крепежей не выдержал удара и развалился на части. Увидев результат, механик в сердцах выругался и развел руками.

— Это ржавое старье просто так не заварить, — угрюмо заявил он. — Нужно железо, но у нас его больше не осталось.

— Без отвала мы из леса не выйдем, — второй механик ткнул рукой в сторону позади идущей машины. — Надо снимать оттуда и переставлять. Это ещё на пару часов возни...

— С чем хоть столкнулись? — Ермаков кивнул водителю головного вездехода на сугроб, скрывающий столь коварное препятствие. — Посвети! Первое отделение, занять круговую оборону!

Пока солдаты занимали позиции, несколько членов экспедиции, по колено проваливаясь в глубокий снег, принялись разгребать сугроб. Под ним обнаружился остов какой-то техники, давно сгнивший и проржавевший. Кто-то из механиков заявил, что лет двести пятьдесят назад это был колесный трактор или ещё какой аппарат, старый уже в те времена. От него и сугроб-то был невелик потому, что ржавая рухлядь наполовину вросла в землю. При внимательном рассмотрении дальше в глубь леса обнаружили заброшенные и поросшие мутировавшими деревьями развалины каких-то построек. Где-то среди них отыскался ещё металлолом, из которого механики умудрились вырезать кусок железа, проржавевший всего лишь на треть. С его помощью начали ремонт поврежденного отвала.

В общем, Новый год встречали под фейерверк сварочного аппарата и аккомпанемент генератора, рассыпавшись вокруг места идущего ремонта в заснеженном гнилом валежнике. До окраин городских руин было менее километра, шум ремонтных работ и свет прожекторов в лесу гарантированно привлечет внимание лигов, и потому нападения ждали каждую минуту. Но лиги так и не появились. Эту редкостную удачу приписали новогодней ночи и милости Шаро Предрекшей. Пока заканчивали

ремонт, прошел спутник, и Синицын попытался скорректировать курс, стараясь придерживаться старой дороги, пролежавшей в этих местах. На архивной карте она была отчетливо видна, по данным навигатора выходило, что рейд стоит если не прямо на ней, то в нескольких шагах от неё. Но за двести лет местность изменилась до неузнаваемости, всё вокруг поросло тонкими, искривленными мутациями большими деревьями, густо обсыпанными язвами и токсичным грибом, и отыскать дорогу профессор так и не смог. Выбирались из леса ещё часа три.

На лед Иваньковского водохранилища встали в пятом часу. Ходовые прожекторы погасили, как только стало ясно, что гнилой лес наконец-то заканчивается, но Ермаков, опасаясь, что в ночной темноте лиги могли заметить свет за километры отсюда, спешно повел рейд в глубь ледового пространства, подальше от земли. Истертая многочасовым преодолением валежника подвеска вездеходов нещадно скрипела, и стало ясно, что остановку делать необходимо. Экспедиция отошла от берега на три километра и приступила к смазке скрипящих элементов. Снова пришлось соорудить светомаскировку из держащих плащ-палатки человеческих пар, но Ермаков, бросив взгляд на кашляющего Синицына, велел ему оставаться в машине. Со смазкой провозились неожиданно долго.

— Там дрянью какой-то подвеску усыпало! — устало рассказывал профессору ассистент, пока возвращающиеся люди влезали в кабину. — То ли грибок какой новый, то ли плесень мутировавшая. С виду на снег похожа, никогда раньше такой не видел. Эта мерзость весь солидол сожрала! Пришлось сперва горелкой всё обдавать, а после заново промазывать. Механики весь запас израсходовали, и то кое-где немного поскрипывает. Как назад пойдём — вот вопрос...

Рисковать герметичностью скафандров не стали, и Ермаков приказал вскрыть НЗ с обеззараживающей жидкостью. Ещё полчаса ушло на протирку средств личной защиты и оружия, после чего экспедиция продолжила движение сквозь скованный ледяным холодом ночной мрак. На широкой поверхности водохранилища скорость увеличилась, и за час удалось пройти почти тридцать километров. Но потом приборы ночного видения вновь показали приближающийся берег, которого согласно маршруту в этом месте так близко быть не должно. Колонна замерла в ожидании спутника, и люди с тревогой поглядывали на хронометры: до начала рассвета оставалось немногим более двух часов. Наконец спутник появился, и на дисплее навигатора вспыхнула отметка текущего местонахождения.

— Мы уперлись в остров, — Синицын оторвался от навигатора и постучал пальцем по клеёнке своей карты. — Вот здесь! Отклонение от курса незначительное, вернуться на маршрут не составит труда. Если мы выйдем вот сюда до того, как пропадет связь со спутником, то сможем продолжить путь по проложенным мною векторам! Впереди нас ждёт последний узкий отрезок пути, там ширина русла в среднем восемьсот метров, потом водохранилище расширяется. — Профессор сделал паузу и со вздохом добавил: — Когда-то это были красивейшие места! Живописные берега, усыпанные цветущей зеленью, над которой возвышались купола церквей, сверкающие сусальным золотом в лучах солнца, остроконечные верхушки колоколен, покрытых старинной росписью, уютные домики небольших населенных пунктов...

— Сейчас это тридцать километров по корявому льду вдоль усыпанных развалинами берегов, — оборвал его Ермаков. — В которых живут лиги. И рассвет через два часа. Рисуем не успеть. До Завидовского по темноте точно не дойдем, придется устраивать дневку.

— Главное — миновать вот эту точку, — профессор снова ткнул затянутым в перчатку скафандра пальцем в карту. — Видите? Здесь русло Волги уходит на север, а мы продолжаем движение по льду Иваньковского водохранилища. Там уже безлюдно. Это подтверждено научной информацией Рыбинского ЦСГР. И на архивных картах в тех местах тоже нет сколь-нибудь серьезной застройки. Вот увидите, дневка не понадобится, мы достигнем развалин Завидовского Центра в рассветных сумерках, а там нас надежно скроет табу суевенных лигов!

— Посмотрим, — без энтузиазма в голосе оценил подполковник. Он повернул голову к водителю и коротко скомандовал: — Вперед!

Вездеходы вновь поползли через ночной холод, и Синицын остался наедине с собственными мыслями. Пришлось признать, что, несмотря на попытки храбриться, чем ближе экспедиция подходила к зверски уничтоженному Центру, тем неудобнее он себя чувствовал. И позиция Ермакова ничуть не способствовала душевному успокоению. Подполковник не доверял даже информации

Рыбинских ученых, а ведь в их распоряжении имеется дирижабль! Очень похоже, что та кровавая бойня, которой завершился рейд в Новодевичий монастырь, вызвала у него фобию даже большую, нежели страхи Сеницына.

Но на этот раз Шаро Предрекшая решила, что с их многострадальной экспедиции достаточно мучений. Тридцать километров прошли без поломок и без лигов, и к началу утренних сумерек им удалось не только покинуть русло Волги, но даже пройти дальше намеченного, добравшись до останков огромного моста, некогда протянувшегося через все водохранилище. К обломкам одного из исполинских быков и прижались вездеходы, стремясь использовать его в качестве элемента маскировки.

— Дальше по прямой ещё один мост, — убеждал Ермакова профессор. — До него шесть километров. Потом проходим ещё три и оказываемся на траверсе Завидовского Центра, в полутора километрах от берега. Остается лишь повернуть на север, и мы у цели! Повторяю, Миша, вокруг нас абсолютно пустынные места, это доказано! Мы без труда дойдем до развалин, и вы не хуже меня знаете, что среди них встретить день намного безопаснее, чем на льду! Я, как научный руководитель экспедиции, настаиваю на продолжении движения! Разве вы не видите, что это более логично, чем просидеть весь день тут, а после в кромешной тьме пробираться через завалы погибшего Центра? Подумайте сами, что представляют собой его улицы, если на них рухнул периметр?

Убедить подполковника удалось только всем миром, когда к позиции Сеницына присоединились гражданские участники экспедиции, водители вездеходов и даже двое солдат. В конце концов Ермаков недовольно скривился и отдал приказ продолжать путь. Колонна достигла второго моста, и профессор уговорил одного из военных уступить ему место у бокового перископа. Лигов в округе быть не могло, тепловизор и вовсе не обнаруживал никаких признаков жизни, и Сеницын принялся разглядывать проступающие в предрассветных сумерках исполинские конструкции. Большая часть мостовых пролетов давно обрушилась и покоилась на дне водохранилища, но некоторые из них ещё связывали между собой потемневшие быки, рассыпающиеся под действием ядовитых грибков и мутировавших микроорганизмов. Однако даже выщербленные ветрами и давлением льда исполинские конструкции производили на профессора сильное впечатление. Такая могучая цивилизация сгнила в трансгенном болоте...

На улице было уже довольно светло, когда колонна достигла конечной точки поворота. Мрачный, словно грозовая туча, Ермаков не скрывал своего беспокойства и лично возился с тепловизором, осматривая далекий берег.

— Далеко. И слишком холодно. Ни черта не видно! — Подполковник зло фыркнул. — Через полчаса мы будем как на ладони. Десанту — к машине! Разведгруппам — на снегоходы! Приступить к разведке берега! Внимание гражданскому персоналу! Если начнется перестрелка, быть готовыми по первой же команде быстро покинуть вездеходы! И очень быстро отойти от них на максимальное расстояние! У нас тут полно взрывчатки!

Ермаков перевел всех на радиоэфир, приказав не издавать в нем даже звука без сверхсерьезных на то причин, и покинул головной вездеход руководить обороной. В перископ Сеницына было видно, как солдаты из второй машины занимают позиции у колес, а пара снегоходов с четырьмя бойцами удаляется в сторону берега сквозь медленно опускающееся редкое крошево ленивого снегопада. Вскоре выкрашенные в грязно-белый цвет снегоходы стало невозможно различить на фоне далекой заснеженной кромки прогнившего леса, и профессор перенес своё внимание на панораму окрестностей. Застывшая водная гладь, к его удивлению, вопреки ожиданиям совсем не оказалась ровной, словно зеркало. Только теперь Сеницын понял, почему вездеходы временами изрядно покачивало, а скорость движения была столь невысокой. Водная поверхность замерзает под действием ветров, течений и перепадов температур, в результате чего далеко не вся её площадь является удобной для передвижения, местами на ней встречаются самые настоящие торосы. Не говоря уже о вмерзших в лед ржавых буйях, бакенах и прочих речных плавающих знаков, умудрившихся не пойти ко дну за двести лет. В прибрежных водах должно быть и вовсе полно хлама. А тут ещё и режим светомаскировки, и поломки донельзя изношенной техники... но он историк и географ, а не физик, и потому многих нюансов не учёл. При составлении плана следующих экспедиций он обязательно введет соответствующие поправки. А следующие экспедиции наверняка будут, ведь очень скоро у

него в руках окажутся доказательства подлинности координат Наследия, и рейд за великим сокровищем Шаро Предрекшей станет приоритетной задачей для мирового сообщества.

Когда вернулись разведчики, вокруг было уже совсем светло. Один из солдат доложил, что снегоходы дошли непосредственно до развалин Завидовского ЦСГР, но пересекать периметр не стали, так как пространство Центра сильно захлавлено обломками рухнувшей крыши и зданий. По предварительным оценкам, передвигаться там можно только пешком.

— Здесь снег шел всю ночь, и до сих пор не перестал, там обломки повсюду, несколько раз чуть лыжу не сломали. Мы проверили тут и вот тут, дальше на снегоходах не пройти, в этом месте подлесок густой и валежника много, а в этом уже руины. — Старший разведчик водил пальцем по карте. — Есть свежие звериные следы, но лиговских не видели. Вроде пусто там. На шум движков никто не вышел, тепловизор молчит. Прямо перед нами есть место удобное, берег пологий, поверхность ровная, и лес не сразу начинается. Тысяча четыреста метров с копейками.

— Вот видите, Миша, всё складывается как нельзя лучше, мы можем смело выдвигаться к цели, — с каждой минутой Сеницын чувствовал себя посреди ледяной пустыни всё более неуютно. Видимость здесь до самого горизонта, снегопад больше символический, и хоть места оказались действительно безлюдными, оставаться на виду очень не хотелось.

Ермаков хмуро отдал команду, и вездеходы двинулись к берегу. Сеницын стоял за спинкой кресла водителя и смотрел вверх его головы на приближающийся лес. Профессор испытывал смешанные чувства. С одной стороны, в полусотне километров отсюда находится логово жутких подсолнухов, с другой — до вождя хранилища информации его отделяет всего несколько километров пути и три этажа под землю. Когда до берега оставалось метров триста, стало возможным различить поднимающиеся вдаль над верхушками деревьев руины периметра, и страхи в душе Сеницына уступили место жажде скорее оказаться на месте раскопок. Однако едва вездеходы выбрались на берег и достигли кромки искореженного мутациями леса, Ермаков остановил колонну.

— Надо выгрузить взрывчатку, — заявил подполковник. — На всякий случай. Сложим её здесь, на берегу. Если в округе лигов нет, она никуда не денется. Осмотримся в развалинах, потом вернемся за ней. А если в развалинах нас встретят огнем, чем дальше она будет в тот момент, тем лучше. Первому отделению приступить к выгрузке!

— Миша, к чему эта потеря времени? — укоризненно нахмурился Сеницын. — Ведь ваши люди осматривали местность! Вокруг пусто, и даже тепловизор ничего не показывает! Мы лишь затягиваем начало раскопок, световой день сейчас совсем недолог! От нас зависит судьба планеты!

— В Новодевичьем монастыре сначала тоже было пусто, — упрямо отрезал Ермаков. — И тепловизор точно так же не давал отметок. — Он хлестнул взглядом остановившихся подчиненных: — Выгружать!

Профессор лишь тяжело вздохнул и отодвинулся в угол, чтобы не мешать военным. Эта военная принципиальность была явно излишней, но спорить с Ермаковым он не стал. Подполковника можно понять, он отвечает за жизни участников экспедиции, и за время пути сюда на его долю выпало слишком много волнений. А тут ещё Солнечногорск рядом... При мысли о подсолнухах Сеницыну вновь стало не по себе, и он поймал себя на мысли, что чем скорее рейд скроется в развалинах, тем лучше будет для всех. Эта перестраховка с выгрузкой взрывчатки только всё усложняет.

Тем временем Ермаков вылез из машины и отправился давать указания десанту второго вездехода. Солдаты осторожно перетаскивали железные коробки с аммоналом, гражданский персонал отодвинулся в глубь лавок, максимально освобождая узкий проход, и профессор, чтобы скрыть недовольство, уселся на кресло возле водителя и принялся разглядывать лес в узкое оконце. Оба снегохода, остановившиеся в голове колонны, были хорошо заметны, и Сеницын увидел, как Ермаков подходит к одному из них и меняется местами с солдатом, занимающим место за водителем. Подполковник что-то сказал водителю первого снегохода и сделал жест в сторону развалин центра. Оба аппарата завели двигатели, и Сеницын раздосадованно выдохнул. Не трудно догадаться, что Ермаков собрался лично провести разведку. Эдак мы не попадем к Центру и до ночи! Михаил очень милый человек и, без сомнения, хороший военный, но сейчас он уж слишком перегибает палку!

Профессор решительно встал, собираясь выйти из вездехода. С Ермаковым стоило серьезно поговорить. Он ещё раз посмотрел в окно, обдумывая, успеет ли добраться до подполковника или

лучше вызвать его в радиэфире, но снегоходы уже тронулись с места. Сеницын нашарил тумблер включения ближней связи, как вдруг прямо на его глазах солдат, управляющий передовым снегоходом, несильно дернулся и обмяк, наваливаясь на руль. В следующую секунду сидевший за ним стрелок ощутимо вздрогнул и свалился на снег. Неуправляемый снегоход скрылся из поля зрения, вторая машина заложила крутой вираж, и профессор понял, что её водитель ничком откинулся на сидящего позади Ермакова и не управляет ею. Подполковник дернулся всем телом, опрокидывая накренившийся в повороте снегоход на бок, и Сеницын увидел, как на снегу вокруг завалившегося аппарата расцветают снежные фонтанчики.

— Засада! — хриплый крик Ермакова в радиэфире хлестнул профессора, словно бичом. — Все вон из машин!!! К бою!!! Противник на одиннадцать часов!

Всё, что произошло дальше, Сеницын видел, словно в замедленном кино. Снаружи глухо загрелись автоматные очереди, и люди бросились к выходу, мешая друг другу и спотыкаясь о брошенные ящики с аммоналом.

— Подсолнухи!!! — в головных телефонах чей-то истошный вопль перешел в хрипящее бульканье.

Водитель вездехода рванул рукоять открытия двери, но расхлябанный замок заклинило. Тогда мужчина обеими ногами вышиб дверную створку и прыжком выскочил из кабины. Едва он приземлился на ноги, как его гермошлем брызнул осколками лицевого щитка вперемешку с кровавыми ошметками, и водитель рухнул на снег. Профессор в ужасе бросился открывать вторую дверь, она не поддавалась, в головных телефонах звенели крики боли и ужаса, а кабина вездехода быстро покрывалась маленькими аккуратными отверстиями... Неожиданно кто-то распахнул дверь снаружи и рывком выдернул Сеницына на улицу. Профессор вылетел прочь и упал в снег. Прямо над головой загрохотал автомат, и старик увидел, как возле его лицевого щитка дымящиеся гильзы бесшумно падают в снег, оставляя после себя оплавленные ямки. Он попытался подняться, чтобы бежать, но совсем рядом заплясали белесые снежные брызги, и страх заставил его ещё сильнее вжаться в глубокий снег. Перед лицом мелькнула рука в армейском скафандре, кто-то схватил профессора за локоть и потащил в лес, вроде бы ему что-то говорили по радио, но всё смешалось в звуках стрельбы, панических воплях, хрипах умирающих... Над головой снова раздалась автоматная очередь, близким звуком выбиваясь из хаоса грохочущей вокруг перестрелки. Сеницын изо всех сил отталкивался от снега ногами, в ужасе оглядываясь назад, на медленно вырастающие из снега брызги, ползущие за ним по пятам. Но белесые фонтанчики неумолимо приближались, и он понял, что не в силах от них скрыться. Внезапно позади раздался оглушительный взрыв, и что-то огромное ударило профессору в спину, словно грузовик, сшибающий со своего пути хлипкую человеческую фигуру.

Исполинская река величественно раскинулась под жарким солнцем от горизонта до горизонта, и её кристально чистые воды поражали своей прозрачностью. Казалось, огромная водная масса медленно плывет под бесконечной лазурью небес. Где-то вдаль едва виднелся противоположный берег, покрытый могучими дубравами и белоснежными березовыми рощами. Сеницын лежал на мелком, словно пудра, и ярко-желтом, словно золото, песчаном берегу, облаченный в старинные белые одежды, и ласковый ветерок слегка шевелил густую, сочно-зеленую траву подобравшейся к пляжу равнины. Легкие воздушные потоки играли с многоцветьем полевых цветов и верхушками трав, создавая умиротворяюще приятный шелест, и в этом причудливом шорохе ветра ему чудился тихий, почти неслышимый женский шепот:

«...на синем море... на белом камне... сидели... три сестры...»

Просто лежать без движения в столь волшебном уголке природы и наслаждаться опьяняющей чистотой воздуха было так приятно, что размышлять о том, что всего этого на самом деле быть не может, абсолютно не хотелось. Ни разу в жизни ему не снились такие чудесные сны, и он был согласен отдать что угодно за то, чтобы провести в глубинах подсознания ещё несколько минут.

— Как старик, Дарьяна? — тяжелый, почти рычащий бас бесцеремонно ворвался в прекрасную идиллию.

— Просыпается, — едва уловимый шелест ветра перешел в тихий женский голос. — Он здоров, с ним можно разговаривать. Ему много лет, но в душе он так и остался ребенком. Он не враг.

— Что с вражеским воином? — шагов слышно не было, но теперь рычащий бас звучал ближе.

— Закончу к вечеру, — всё так же тихо ответила женщина. — Позови меня, как придет время.

Легкое шуршание ткани у самой головы Сеницына сменилось негромким звуком удаляющихся шагов, и дремотное состояние мгновенно улетучилось. Профессор открыл глаза и тут же подскочил от испуга. Гермошлема на нем не было. Он панически заозирался вокруг, надеясь отыскать его прежде, чем получит смертельную дозу заражения, и замер. Залитый кровью гермошлем находился на полу неподалеку, и его лицевой щиток был разбит вдребезги. Можно попробовать сделать тряпичную повязку вроде респиратора, но... Сеницын махнул рукой. Глаза, уши, кожу лица всё равно не защитить. И перчатки куда-то пропали... Даже странно, что он не чувствует внутри себя жжения. Дыхательные пути и легкие уже должно было начать разъедать воздухом, наводненным токсинами и канцерогенами. Возможно, сказываются жестокие морозы... Но ему не холодно... И удушливый кашель не беспокоит, и лицо не болит, гермошлем же в крови. Старик машинально ощупал лоб, нос и щеки, но не нашел повреждений и осмотрелся.

Он сидел на нескольких армейских матрасах, аккуратно сложенных друг на друга. Скафандр был по-прежнему на нем, пропали только перчатки. Сами матрасы находились в кирпичном помещении, более всего напоминавшем небольшой конференц-зал. Штукатурка на стенах отсутствовала, либо давно обвалилась, либо её остатки сбили специально, но кирпичная кладка была неровно выкрашена краской, пересекающие потолок трещины плотно законопачены, а пол очень умело выложен половой рейкой. Их четырех окон, тянущихся к высоким потолкам, два были заложены кирпичом, остальные застеклены довольно чистым пластиком и неплохо пропускали солнечный свет. Кругом было пусто, ни мебели, ни какой другой обстановки в помещении не оказалось, лишь неподалеку на полу лежала большая бесформенная куча тряпья, но без очков Сеницын не сразу разобрал, что перед ним. Похоже, с полдюжины набитых мешков сложили рядом и швырнули сверху кусок грязно-белой ткани. Старик попытался напрячь зрение и разглядеть эту мешанину внимательнее, как вдруг заметил в дальнем углу помещения ещё одну постель из матрасов. На ней без движения лежал Ермаков, тоже без шлема и перчаток, его скафандр был сильно поврежден и густо вымазан кровью.

— Миша! — профессор заторопился подняться, одновременно нащупывая на поясе аптечку. — Миша, вы меня слышите?

Старый учёный встал на ноги, но был вынужден остаться на месте, дожидаясь, когда пройдет сильное головокружение. Похоже, он все-таки получил контузию...

— Сядь, — рычащий бас из сновидения неожиданно ударил по нервам, словно из-под ног. — До вечера ему нельзя просыпаться. Не беспокой его.

Сеницын едва не подпрыгнул от неожиданности и вгляделся в кучу тряпья. Присмотревшись, он с трудом подавил желание отшатнуться. Перед ним, несомненно, был лиг, но генетическое уродство превратило его жизнь в ад, и несчастному существу можно было только посочувствовать. Бесформенное тело инвалида было очень массивным, не менее четырех-пяти центнеров на вид, но либо не имело позвоночника, либо, что показалось профессору более вероятным, оний не имел целостности. Скорее всего, позвонки и вообще все кости в организме просто не соединялись друг с другом. Оплывшее тело лига лежало на полу, словно сложенное складками тесто, грязно-белый балахон, судя по всему, служил ему одеждой. Нечто подобное небольшому пню, выпиравшее из складок этого тряпья, оказалось головой лига, и ему как-то удавалось держать её прямо. Разобрать лица не получалось, балахон скрывал и его, лишь в узкую марлеву ю прорезь глядели два крупных, кроваво-красных зрачка, что делало лига ещё менее похожим на человека. Можно было только догадываться, какие мучения и боли испытывал этот несчастный. Сеницын печально вздохнул. Люди не должны так страдать. А ведь он, Сеницын, уже едва ли не стоял на пороге Наследия...

— Здравствуйте, господин... эээ... — профессор немного замялся, пытаясь сообразить, какая манера поведения была бы наиболее корректной в сложившейся ситуации. Обидеть, а тем более оскорбить инвалида, лишенного способности двигаться, ему весьма не хотелось. Глядя на столь невероятные страдания, Сеницын поневоле чувствовал себя косвенно виноватым. Ведь его предки тоже являлись сотрудниками «Сёрвайвинг Корпорэйшн». — Простите, уважаемый, не знаю вашего имени-отчества...

— Для тебя мы — подсолнухи, — прорычал бас. — Можешь так и называть.

— Как вам будет угодно, господин подсолнух, — согласился профессор, отмечая про себя, что, по крайней мере, первый встретившийся ему лицом к лицу представитель кроваво-легендарных

чудовищных убийц оказался безобидным глубоко несчастным инвалидом. Генетические мутации не щадят никого... — Вас не затруднит ответить на вопрос, где мы находимся?

— На базе.

Старый учёный подождал несколько мгновений и понял, что дальнейших объяснений не последует. Впрочем, этого следовало ожидать. Лиги не питают к Чистым теплых чувств, и уже один только факт того, что он до сих пор жив, можно смело считать демонстрацией их благосклонности. Они даже выставили в качестве переговорщика совсем неопасного родича, вероятно, не хотели запугивать. Хотя... возможно, этот инвалид здесь для того, чтобы посмотреть, как Чистые будут умирать в мучениях от отравления.

— Здесь странный воздух, — Синицын решился задать ещё один вопрос. В конце концов, если умирать, то он ничего уже не теряет. — Но я не чувствую боли в легких. Это помещение имеет чистую атмосферу? Я не слышу работы фильтровентиляционных установок.

— Нет, — коротко рыкнул лиг. — Воздух с улицы. Пахнет древесной смолой, печь топится.

— Следовательно, мы заражены, — попытожил профессор, бросая взгляд на лежащего без сознания Ермакова. В его смерти он тоже будет отчасти виновен, ведь подполковник единственный из всей экспедиции не был добровольцем. И Синицын поддержал его кандидатуру... — Наши легкие долго не выдержат ядовитой атмосферы. А где остальные участники нашей экспедиции?

— Убиты, — безразлично ответил лиг. И неожиданно добавил: — Вы оба сможете дышать без осложнений трое суток. Так сотворила целительница.

— Это невозможно, — возразил старый учёный. — Химический состав воздуха предельно агрессивен и вызывает некроз тканей за сорок минут, зимой этот срок может увеличиться вдвое, но...

— Ты здесь пять часов, — рычащий бас лига оборвал профессора. — Мне не интересно обсуждать вашу науку. Ответь, почему этот воин защищал тебя ценой собственной жизни?

— Миша? — вырвалось у Синицына. — Он офицер Службы Безопасности, возглавляет охрану нашей экспедиции! И просто хороший человек. Он выполнял свой долг, это его работа...

— Он защищал тебя, — рычание инвалида вновь перебило старого ученого. — Он грамотный офицер и сразу понял, что ваше подразделение обречено и будет уничтожено в течение нескольких десятков секунд. — Столь сложно выстроенная грамотная фраза в исполнении лига изрядно удивила профессора. — Он прикрывал тебя собой и даже после детонации вашей взрывчатки пытался спрятать тебя в лесу, хоть был ранен и толком не мог даже ползти. Когда мы подошли к нему, прежде чем потерять сознание, он попросил отпустить тебя, потому что ты можешь найти Наследие и всё исправить. Мы оставили в живых вас обоих. Теперь тебе предстоит доказать, что ты и есть тот самый старик из Пророчества. Я слушаю.

— Эммм... — озадаченно выдохнул Синицын. — Боюсь, я не вполне понимаю... О каком пророчестве идет речь? Только поймите меня правильно, я ни в коем случае не хочу вас обидеть, просто я могу быть не осведомлен о некоторых особенностях вашего...

— Неважно, — прорычал лиг. — Расскажи, зачем вы явились к Завидовскому Центру, да ещё с таким запасом взрывчатки.

Мгновение профессор размышлял, стоит ли рассказывать этой квашне горе-подсолнуху обо всём. Что мы теряем? Если посмотреть правде в глаза — ничего. Найденные координаты для лигов вряд ли больше, чем бессмысленный набор цифр, а даже если и нет, то достичь тех широт им невозможно. После того как Волжскому Каскаду станет ясно, что его экспедиция никогда не вернется, сюда однозначно больше никто не поедет. Почти обретенное Наследие навсегда останется мифом, красивой сказкой, которую лет через сто будут рассказывать старики последнему в мире ребенку. Так что достанется заветная информационная емкость лигам или так и сгинет в недрах Завидовских развалин, какая разница... К исходу Трехсотлетия искать сокровище Великой Шаро будет уже некому. А так у него, возможно, есть шанс. Синицын устало вздохнул, уселся обратно на матрасы и начал рассказ. Обреченный на вечную неподвижность лиг слушал молча, не сводя с профессора горящих багровым пламенем глаз, и этот взгляд выбивал старого ученого из колеи, заставляя невольно робеть, чувствуя себя юнцом-студентом на экзамене у ректора университета. В глубине сознания тонкими нервными иголочками покалывала мысль, что если этот прикованный даже не к постели, а прямо к полу инвалид вызывает одним только взглядом такую оторопь, как же тогда должны выглядеть другие, те самые,

настоящие подсолнухи... Рассказ оказался долгим и занял почти час. Синицын и сам бы не смог ответить на вопрос, зачем он рассказывает полуграмотному обездвиженному инвалиду всё в мельчайших подробностях. Он просто чувствовал, что должен поступить именно так. А возможно, запредельно стиснутые стрессом нервы просто требовали от него выговориться... Теперь это не имело ни малейшего значения. Профессор изложил всё, начиная от своих первых, ещё студенческих шагов в сфере изучения мифа о Наследии и заканчивая рейдом в Новодевичий монастырь, письмом американцев и последующей экспедицией.

— Дальше я ничего не помню, — закончил он, — надо полагать, взорвался наш запас взрывчатки, и я потерял сознание вследствие этого. — Синицын грустно улыбнулся. — Надо же, в беспмятстве мне снился удивительно красивый сон... Дивные места и почти эфемерный, едва уловимый женский голос. Он что-то шептал, и словно не мне, а играющему с ним ветру... Никогда мне не снилось ничего более прекрасного. Даже просыпаться не хотелось.

Старый учёный умолк, ожидая реакции беспомощного инвалида. Впервые за все это время он подумал, а в состоянии ли вообще несчастный, вполне возможно, никогда в жизни не покидавший этой комнаты, осознать всё обилие сложной информации, обрушившейся на него... И если лиг решит помочь, то что в его силах? Прислушаются ли к обездвиженному сородичу остальные?

Но реакция оказалась совершенно неожиданной. В бесформенной куче тряпья что-то едва заметно шевельнулось, и лиг отчетливо прорычал:

— Все всё слышали?

В ответ ему донеслось шипение помех радиоэфира, и профессор услышал тихий, но столь же злобный рык:

— Все.

— Вывод? — прорычал вопрос инвалид.

— Это он. Единогласно. — Эфир коротко треснул и затих.

— Твои начальники солгали тебе, — произнес обездвиженный инвалид. — Развалины Завидовского Центра заселены больше ста пятидесяти лет.

— Но как же... — опешил старый учёный. — Я видел отчет Историко-Географического Университета Рыбинского ЦСГР! Там был весьма подробный доклад о...

— И в тот день, когда дирижабль прилетал к ним, его экипаж это видел, — оборвал профессора инвалид. — Дирижабль обстреляло местное население, и он ушел, не высаживая десанта, поэтому мы не стали вмешиваться. Но тебя обманули дважды, старик. В архивах Завидовского Центра не было ничего о Наследии. Лишь огромная куча отписок, что направляли сыщики начальству. Они не смогли узнать ничего, и потому с началом Хаоса дело было официально закрыто.

— Не может быть... — Профессор изо всех сил надеялся, что беспомощный инвалид ошибается, он попросту не может не ошибаться, ему вообще не может быть известно, что закладывалось в информационные емкости правительственного центра двести лет назад! — Она должна быть... информация должна быть... Обязательно должна! Данные секретных архивов тщательно...

— Мы уничтожили опорный пункт противника и забрали все накопительные емкости, — можно было сказать, что обездвиженный инвалид рычал спокойно. — В развалинах дата-центра нет ничего, кроме пустых шкафов. Захваченная документация была изучена. Тебя обманули, старик, — повторил он. — У ищеек «Сёрвайвинг Корпорэйшн» не было ничего конкретного. Ты пришел за тем, чего нет.

Старый учёный тоскливо закрыл глаза. Всё зря. Сорок лет жизни, отданные поискам, десятки смертей чистых, сотни расстрелянных в Новодевичьем лигов, надежда, вспыхнувшая в сердцах хотя бы тех немногих, кто всё ещё верил... Всё бессмысленно. Он посмотрел на окровавленного Ермакова и запоздало понял: Федотов послал их сюда на смерть, чтобы не связываться с поисками и всем прочим. Наверняка это решение было принято не им одним, неспроста Совет Президентов собирался несколько раз, а его, Синицына, пригласили только однажды. Сразу вспомнилось ермаковское недовольство слишком опасной взрывчаткой. Миша опытный офицер, он ещё тогда заподозрил неладное, говорил, что любая серьезная перестрелка для них равносильна фитилю, поднесенному к пороховой бочке. Федотов всё продумал заранее, так и вышло. Множество людей погибли зря, и он, Синицын, оба раза отводил их на смерть...

Внезапно дверь в помещение слегка приоткрылась, и раздавшийся из-за неё рычащий голос окликнул расплывшегося по полу сородича:

— Ратибор!

— Но мы поможем тебе, — вдруг произнес обездвиженный инвалид. — Ибо время пришло.

Профессор непонимающе перевел взгляд с темнеющего дверного проема на собеседника, и тут лиг встал. Бесформенная масса тряпья вдруг вздыбилась, словно гора, и Сеницын похолодел от ужаса. В курсе по историческому естествознанию есть старый видеоролик плохого качества, где свившаяся в кольца королевская кобра в мгновение ока вздымалась, раздувая капюшон, и её оскаленная пасть смотрела прямо в камеру... Лиг встал именно так. Секунду назад его тело безобразным безвольным месивом лежало на полу, и вот он на ногах. Огромная, в два с половиной метра, человеческая фигура с устрашающе гипертрофированными мышцами, затянутая в белый маскировочный балахон с головы до пят, нависла над профессором. Глаза подсолнуха вспыхнули кроваво-красным огнем, и от чудовища повеяло смертью. Старый учёный, полумертвый от почти первобытного страха, инстинктивно попытался отползти назад и упал на пол, соскользнув с матрасов. Четверть тонны мышц абсолютно бесшумно сдвинулись с места, и подсолнух быстро и плавно заскользил к двери, словно его огромная фигура была бесплотным призраком. Мощная фигура заслонила собой дверной проем, на мгновение замерла и столь же эфемерными движениями вернулась обратно, вновь нависая над профессором.

— Встань, старик, — негромко прорычал подсолнух, протягивая Сеницыну какой-то предмет. — И возьми пакет. Теперь он твой. Круг Пророчества начался.

Старый профессор, съжившийся под обжигающим взглядом пылающих кровью глаз подсолнуха, неловко поднялся, пошатываясь от экстремально учатившегося сердцебиения. Он с опаской посмотрел на протянутую к нему руку. Одно только её запястье было вдвое толще профессорской ноги, и зажатый в мощных пальцах пластиковый конверт-папка выглядел в руках подсолнуха поздравительной открыткой. Сеницын почувствовал, как от перенапряжения начинает покалывать сердечную мышцу. Он заставил себя удержаться на ногах и взял протянутый пакет.

— Что это? — спросил он, морщась от боли.

— Конфиденциальная часть завещания Шаро Предрекшей, — прорычал гигант. — Будь осторожен с этим документом. Он ждал тебя более двухсот лет.

Сквозь прозрачный пластик папки профессор разглядел фирменный бланк адвокатской конторы, доведшей когда-то до наследников последнюю волю Великой Шаро. Недомогание мгновенно улетучилось. Сомнений быть не могло, это та самая юридическая фирма! Сеницын дрожащими от волнения пальцами вскрыл папку и извлек оттуда листы самой настоящей бумаги прошлого. В первую секунду у него перехватило дыхание от увиденного. Он узнал почерк Шаро Предрекшей. Тайная часть завещания была составлена от руки в единственном экземпляре, вместе с ней в папке находились несколько созданных на копире копий. Старый учёный жадно впился глазами в рукописные строки. Великая Шаро завещала своему наследнику, Новодевичьему монастырю, хранить созданную при жизни памятную плиту в монастырском дворе и не допускать земляных работ в районе плиты. А также полностью исключить возможность её переноса с места на место, под какими бы то ни было предложениями, включая форс-мажор в виде войн, стихийных бедствий и катастроф всяких видов. Местоположение плиты с эпитафией должно оставаться неизменным. Также Шаро Предрекшая просила монастырь в меру сил противодействовать нападкам следователей «Сёрвайвинг Корпорэйшн», подозревающих её соратников в тайном вывозе с биологических ферм МАГБ по всему миру в общей сложности ста тысяч тонн элитного семенного и эмбриологического фонда незадолго до запрещения Ассоциации мировым правосудием. Великая Шаро указывала, что данный генофонд подвергся трансгенному заражению в условиях стремительно разрастающейся генетической катастрофы и был уничтожен. Далее в завещании указывалась просьба следить за тем, чтобы эпитафия на мемориальной плите всегда оставалась в читабельном виде, после чего шла короткая строка благодарности всем своим соратникам. Дата, подпись.

Сеницын прочел завещание трижды, прежде чем нашел в себе силы оторваться от бумаги. Он жалел, что схватился грязными пальцами именно за подлинник завещания, и теперь старался держать листы как можно бережнее.

— Это уникальнейший документ! — выдохнул он, переводя взгляд на фигуру подсолнуха, застывшую подобно высеченному из гранитной скалы изваянию. — Это не просто неопровержимое доказательство подлинности захороненных во дворе Новодевичьего монастыря координат! Это прямой намек на реальность Наследия! Невероятно! Вот почему Концерн так активно охотился за ним и вот почему он так его и не заполучил! Откуда оно у вас?!

— Из развалин, когда они ещё не были развалинами, — туманно ответил подсолнух.

— Это необходимо обнародовать! — решительно заявил Сеницын. — Довести до сведения всех! Наследие существует! Мы должны объединиться и отыскать его! Мы должны спасти планету и навсегда покончить со страданиями! Это выше любых противоречий и любой вражды!

— Объединения не будет, — зарычал подсолнух, — разве ты до сих пор этого не понял? Концерн не умер с наступлением Хаоса. Он лишь распался на множество мелких концернов. Более не изменилось ничего. Вами по-прежнему движет лишь эгоизм, жажда власти и собственной наживы. Такова ваша природа, и исправить вас может только смерть.

— Но не все люди такие! — попытался возразить профессор. — Я знаю добровольцев, которые...

— Всё в твоих руках, — рычание подсолнуха заглушило стариковское бормотание. — Отныне это твой удел. Твоя часть круга началась, — изрёк он очередную туманную фразу и неожиданно добавил: — На твоём месте я бы не отдавал начальству подлинник сразу. Ограничься копией.

— Но... — Сеницын опешил от такого поворота беседы, — как же я попаду обратно? Если только вызвать Центр по рации... Возможно, они пришлют дирижабль! У вас есть мощная рация?

— Ты всё ещё столь наивен, что считаешь, будто Концерн позаботится о тебе? — в рычании подсолнуха явственно послышались веселые нотки. — Возьмешь транспорт и сам доберешься.

— Транспорт? — не поверил профессор. — У вас есть вездеход? С горючим?

— Мы дадим тебе БМП, — прорычал гигант. — С боекомплектом, чтобы по пути вас не загрызли полевые мыши! — теперь в его рычании угадывалась насмешливая ирония. — Твой воин наверняка умеет водить боевую машину. Направление движения я укажу, останется только доехать. Хотя бы с этим справьтесь сами. По дороге вас не тронут.

— Вы дадите нам боевую технику?! — изумился Сеницын. — Вы серьезно?!

— За двести лет у нас её скопилось достаточно, — горящие кровавым пламенем глаза подсолнуха сверкнули обещанием смерти, и старый профессор вздрогнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную версию на сайте www.tarmashev.com